

Борис Останин п у н к т и р ы

Борис Останин

п у н к т и р ы

**Издательство
Ивана Лимбаха**

Борис Останин

Пунктиры

Издательство
Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург
2000

Предисловие 7

п у н к т и р ы

Отрывки из 3-й тетради 15

Отрывки из 4-й тетради 47

Содержание

ISBN 5-89059-027-8

© Б. Останин. 2000

© Д. М. Плаксин, С. Д. Плаксин,
макет, оформление. 2000

Отрывки из 5-й тетради 73

Отрывки из 7-й тетради 105

Отрывки из 8-й тетради 119

Отрывки из 9-й тетради 155

Прыжок короля

1 Мы познакомились с Борисом Останиным в 72-м году. На углу Литейного и Жуковского в помещении магазина «Технической книги» находилась булочная: штрицель за 28 копеек + стакан горячего молока. Сандалии на босу ногу и политые поутру улицы слагались в дополнительные условия существования. Место проживания — Эртелев переулок. Кое-какие детали в счет не идут.

Он — на одной стороне, я — на противоположной. Ближе к полудню мы, случалось, орали в открытые окна друг другу что-то вроде приветствия. Город на лето пустел, как эхо. Расстояния таяли. Любопытство к миру укреплялось надеждой, что его фрагменты все до единого в один прекрасный день сойдутся в одно целое. Сегодня я сомневаюсь, насколько верно я понимал слово «целое».

Если случалось зайти к нему на утреннюю чашку кофе, наши немногословные беседы под сенью томов готического Ницше (непрерменно добавив о царственном пурпуре переплетов) сопровождалась неизменным шарканьем по коридорам весьма странного персонажа. Бывшего доктора. Неустанно и бессонно бродившего в застиранном сиреновом исподнем, — мокрого от пота и непонимания причин несовпадения со временем. Он напоминал жалобу, которую никто не слышит. Обреченность маятника, с какой жил этот человек, вносила нужную строгость в умственные построения.

В ту пору можно было есть один раз в день, по слогам читать Анри Мишо и не задумываться о будущем, залегавшем (мнилось) только в неких формах искусства. Что вызывает теперь недоумение и даже печаль.

Один из лучших редакторов, математик по образованию, старинный приятель Бориса Гройса и Татьяны Горичевой, критик, написавший наиболее вразумительные страницы о множестве вещей, в том числе о поэтике Е. Шварц, А. Кушнера; соучредитель премии им. Андрея Белого, переводчик с французского, немецкого, английского etc. (до сих пор его перевод «Балкона» Жана Жене, если не ошибаюсь, остается единственным), Борис Останин, словно гонимый Эриниями, пребывал в состоянии нескончаемого бегства — постоянно не осуществляемого побега.

Роль Эриний с полным правом отведем тому, что называется *«мыслями»*. Проще — *идеями*. Их «количество», «неожиданность», «парадоксальность» не давала перевести дыхание ни ему, ни его слушателям. Хотя не исключая, что на этот счет существует иное мнение.

История нашего знакомства проста в той же мере, в какой сами воспоминания о ней. Как-то ранним утром он постучал удочкой о подоконник моего окна в бельэтаже Суворинского дома, где я бивуакировался в качестве дворника прилегающих территорий, и, справившись о качествах моего Reinmetall'a, предложил немедленно присоединиться. Он отправлялся удить рыбу, если не ошибаюсь, в Шувалове. В ответ я пригласил его влезть в окно на чашку чая. Часов в шесть вечера стало понятно, что ни о какой рыбной ловле уже речи быть не может.

По прошествии года я заметил на подоконнике его комнаты машинописные страницы. Там же в горшке торчал «безуханный цветок». За окном падал снег. Подоконные страницы оказались началом *«Пунктиров»*, жанр которых с трудом поддается определению — *максимы? афоризмы? фрагменты?* С переменным успехом он вел их до «недавней» поры, но лишь незначительную часть удалось сохранить за времена его хронически-бесчисленных переездов.

Недавно он сказал: *«Многое утрачивает целесообразность. Удовольствие, вернее, jouissance снова стали доставлять „простые“ вещи. В них появилась давно забытая детская хищность...»*

А два года тому он не удостоился на прием к митрополиту. Жаль. На вопрос, что же побудило его в жару сидеть в кромешной очереди, ответил: «Одно довольно неприятительное соображение; но сам поражаюсь, почему до сих пор оно никому не пришло в голову?.. словом, я хотел предложить им строить церкви в виде воздушных шаров. Ведь сколько на свете мест, где нет приходских священников, да и приходов как таковых, потому что нет храмов. А воздушный храм мог бы преспокойно и, представь себе, в надлежащей тишине приплыть на службу по небу...»

Как-то в начале этого марта речь зашла о хитроумии Набокова, о его пристрастии к ловушечкам, зеркальным отражениям, коробочкам в коробочках, анаграммам и тому подобному, — иными словами, о том, что не прекращает пленять сердца его исследователей.

«Не совсем так, — после паузы заметил Борис Останин. — Был такой человек, и его искусство не уступало... Однако любопытно другое, Набоков об этом очевидно знал».

2 В моем пересказе история Б. Останина прозвучит глухо и невыразительно. Тем не менее, как мог, старался сохранить ее логику.

В 20-х годах во вселенной шахмат сияла более чем яркая звезда гроссмейстера *Рети*. В нем угадывали совершенно новое явление. Его мышление радикально отличалось от того, что вошло в обиход и стало разменной монетой спортивных или коммерческих турниров. Кажется, именно в это время он издает книгу об «ультрамодерных» (sic!) шахматах. Выска-

занные им концепции опрокинули бытовавшие представления. Возникло даже нечто вроде движения... Спустя год или два Рети уходит из Игры. Скука склоняет его к шахматным задачам. Но и это длится недолго. Он оставляет искусство композиции и, если верить молве той поры, обращается к художественной литературе. Далее его следы теряются. Нас интересует другое.

Среди созданных им шахматных задач есть одна, посвященная его же известному «дебюту». Набоков, не секрет, также увлекался шахматными композициями — «problems». «Poems and Problems».

Прежде чем перейти к существу задачи, надо сказать, что в шахматах существует не только привычная с детства французская нотация — «e2—e4» (построенная на декартовой системе координат, полагающей началом счисления ноль или солнце), в которой ряд чисел поднимается с единицы крайнего поля белых, тогда как изначальное число черных по этой оси — 8 (восемь).

Обозначения позиций фигур известны. В отличие от французской, в английской системе, ныне вышедшей из употребления, — две числовых оси, две системы координат — белая и черная. Каждая начинается со стороны игрока, делающего ход. Буквенные обозначения соответствуют английским названиям фигур. Король — K (King), Ферзь — Q (Queen), Ладья — R (Rook), Слон — B (Bishop), Конь — N (kNight). («Подлинная жизнь Себастьяна Найта» — изменяет также свои именные координаты.) К каждой из пары ладей (слонов, коней) в начальном положении добавляется буква K или Q, в зависимости от того, к кому ближе фигура — к королю или ферзю. Например, королевский конь в начальной позиции — NK1, ферзевый конь — NQ1.

В этом контексте становится ясным потаенный «замысел» дебюта Рети, в которой ход

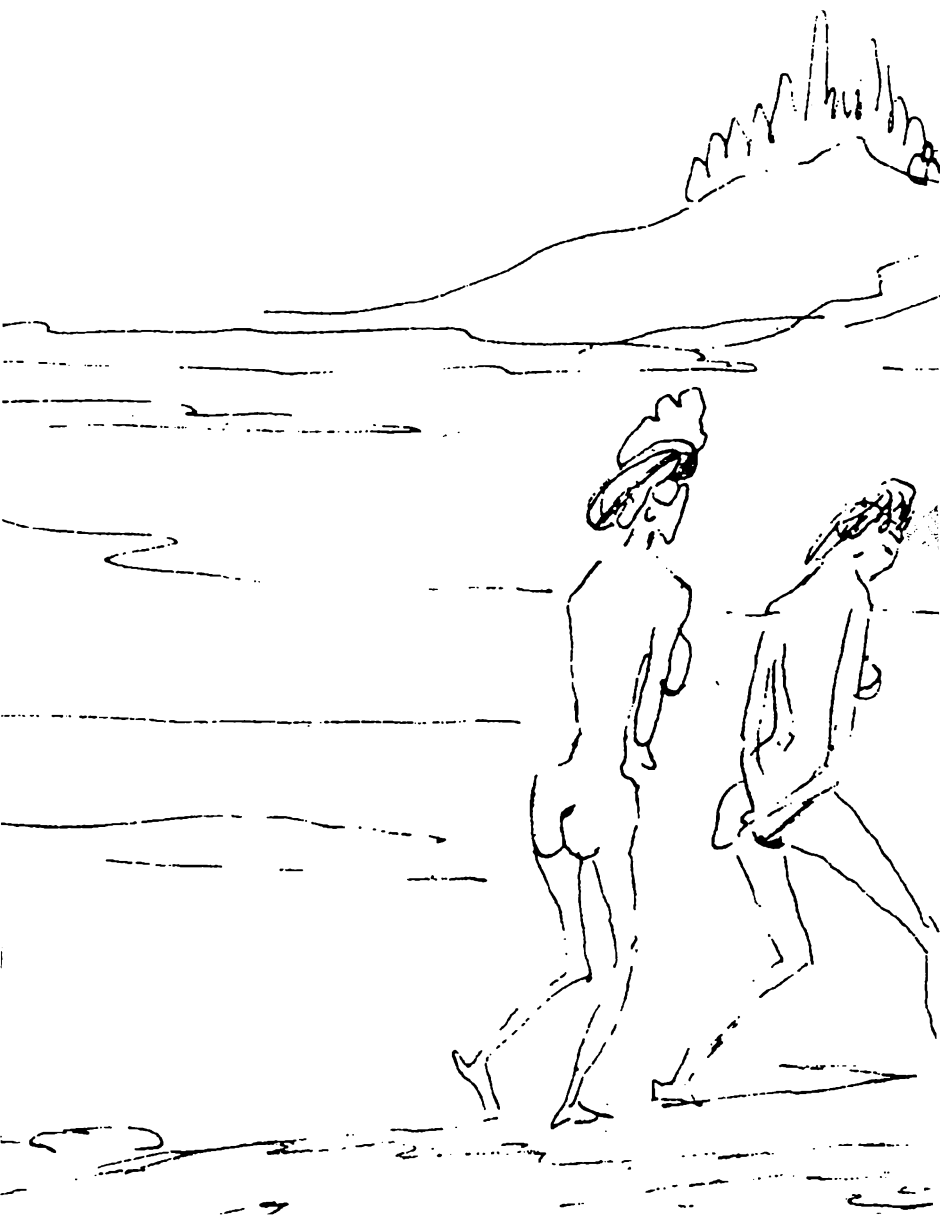
конем неизбежен и запись которого выглядит как: N — В К 3 (N-a-B-o-K — цифра 3 очевидно намекает на русское В), равно как и пристальный интерес самого Набокова к дебюту Рети и самой задаче, первый ход решения которой преподносит нам анаграмму имени писателя.

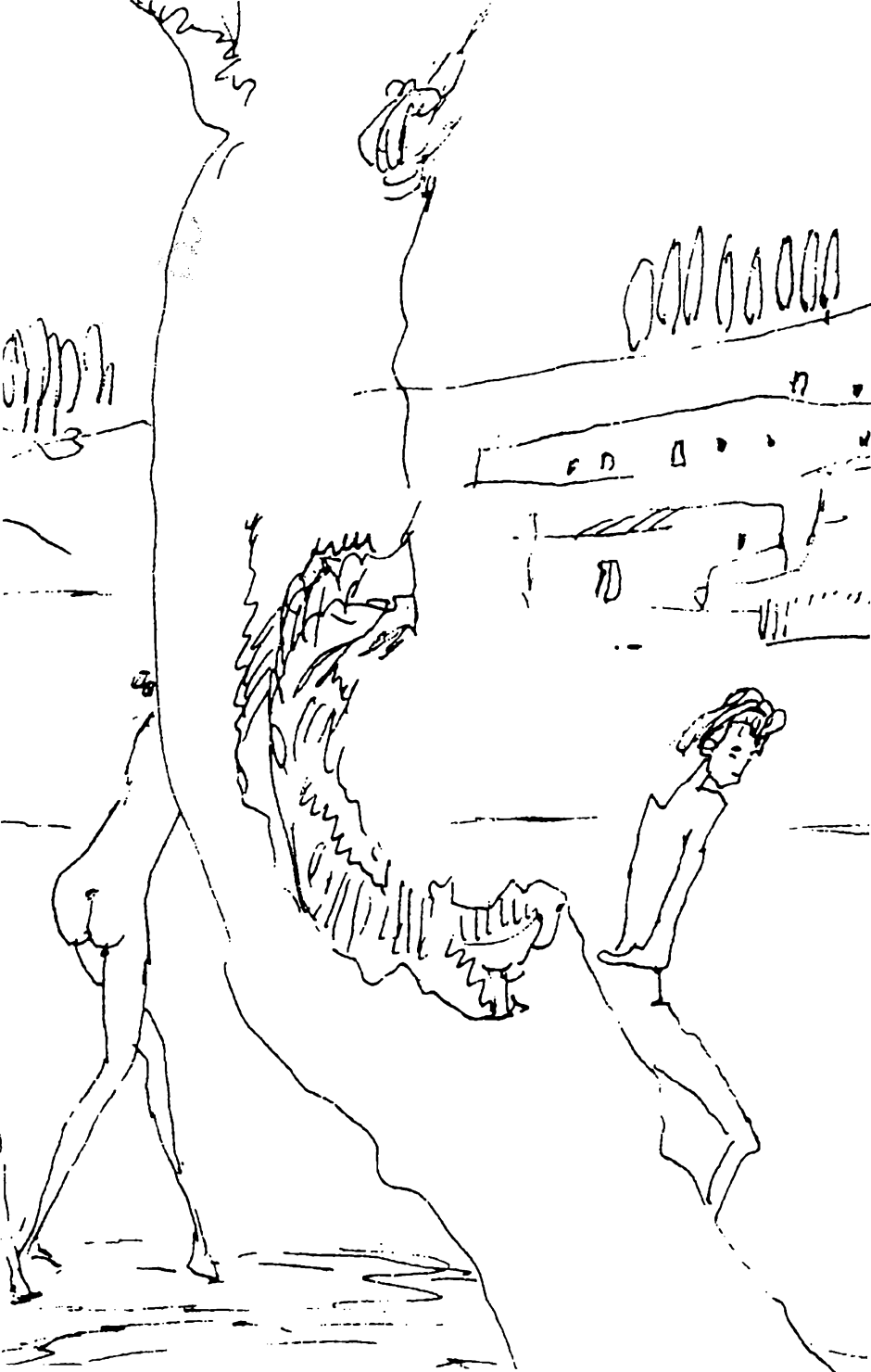
Причем немаловажно и такое обстоятельство — зеркальность английской записи. Абсолютно идентичные записи одинаковых ходов белых и черных различала обыкновенная черта: над знаменателем белые, под — черные. Так что, вполне вероятно, речь могла идти и о каком-то «ответе» Рети — Набокову, равно как и о возможном знании Рети того, что его «поймут».

Не следует упускать еще одну деталь: в средние века, то есть до введения в правила игры *рокировки*, у короля в случае угрозы была возможность пойти как конь. Но всего один раз. Это называлось *прыжком короля*. Или, если угодно, — Лужина. Из книги.

Фразу, которой заканчивалась рассказанная Борисом Останиным история, оставляю без изменений: «*Но есть книги, которые на свежем воздухе читать невозможно...*»

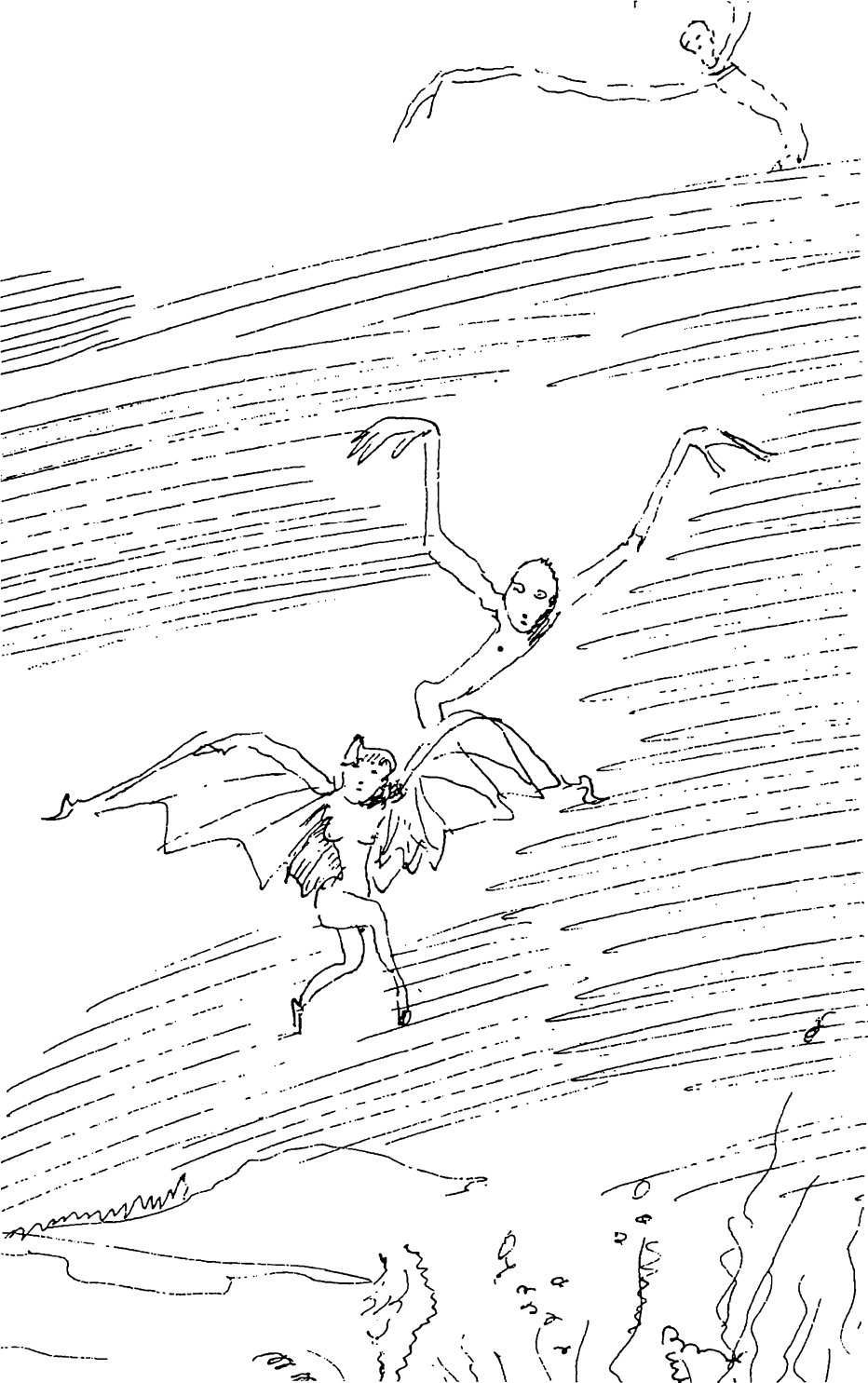
Аркадий Драгомощенко

П У Н К Т И Р Ы

отрывки из 3-й тетради

Люди – горсть семян, брошенных в землю рукою Бога.
И хорошо если из тысячи прорастёт одно... – но
страдает в равной мере вся тысяча!

В духовной безысходности, в идейном столбняке, в
умственной оторопи...
(моя жизнь)

Можно и всякую букашку любить, но покуда она одна,
вдвоём или в малом количестве. Толпы же, даже
людские, любить невозможно.

Философия знаков препинания.

«Народ безмолвствует...» Так-то оно и лучше. Хуже,
когда принимается «говорить».

В определённые эпохи талант опасен: во имя
нравственности следует от него отказаться. Но от

таланта кто же откажется? Человек скорее «душу продаст», чем «таланты зареет».

Ну что хорошего можно сделать с людьми, которые *вот так* лезут в автобус?

К. Леонтьев был прав.

Что-то вокруг много Штольцев развелось. Но разве русскому быть Штольцем? Или так: способен ли русский *долго* быть Штольцем?

И вещи их напоминают их.

«Реакционеры» и «консерваторы» опираются на глубокое понимание человеческой природы. В этом их неотъемная сила.

Сражаются оружием, взятым напрокат.
(об учёных)

Лицо обращено к Востоку, а глаза закрыты.
(о себе)

В кривых турецких ятаганах гораздо больше «души и страсти», чем в прямолинейных римско-тевтонских мечах.

Только в беспомощности и ничтожестве обретает человек своё нравственное лицо. Только ли?

Слёзы оттачивают мысль.

В деле принято видеть *выход* из кризисного состояния духа. Но дело опасно тем, что увлекает за собой людей, *не прошедших* через кризис.

Иероглифы, иероглифы, иероглифы...

Зернистость мира и души (в противовес «пневматическим» теориям).

Наша духовная активность – лишь *ответ*, не инициатива.

В чём опасность таких влиятельных профессионалов, как Фрейд или Лоренц? В «империализме профессии». Расширяя профессию до пределов мира, они низводят человека до уровня её безропотного объекта.

Человек нуждается скорее в Боге, чем в Иисусе, Будде или Магомете, но, рождённый в «своей культуре», верит не столько в Бога, сколько в Иисуса, Будду или Магомета.

Не упрекать Средневековье в жестокости надо, а удивляться, сколь *малыми средствами* насыщало оно людскую жестокость!
(об инквизиции)

Что есть вера? Свет для тёмных, тьма для светлых.

Говорят: Бог водит рукой художника. Скажу так: Бог водит своей собственной рукой. И художник здесь вообще «ни при чём».

Не борьба нужна, а *противостояние*.

Человек умудряется нажить капитал даже на
собственных несчастьях.

Там, где Ницше мерещился сверхчеловек,
Достоевский углядел Смердякова.

Имею ли я право судить людей? Но: имею ли я право
не судить их?

Смысл жизни выявляется для европейца через
собственный или общественный «дефект», который
необходимо выправить.

Путь несогласия есть путь аскезы.
(о нашем времени)

Когда искусство умрёт, останутся рассказы о смерти.
И их будут слушать.

Я живу в мире, в котором жить не хочу. В котором не
хочу жить. В котором хочу не жить.

Оставим и смоковницу, не будем её жечь!

Всё чаще и чаще кажется, что наше время –
«последнее время» и новые поколения будут
рождаться с камнями вместо душ. Дай Бог, чтобы
только казалось!

Русские добродетели – сугубо *женские* добродетели.

Семейные тираны и моральные угнетатели: Толстой,
Швейцер, Ганди...

«Царство Небесное» меня не увлекает, но может ли
человека увлечь что-нибудь другое?

Дух и ум тоже голодают, тоже насыщаются... как
страсть, как желудок, как взгляд...

Тайна – не то, о чём молчат, а то, что *не*
выговаривается.

Думают о «благе для других», но не думают о том, чем
оно окажется «для одного». Каждый приносит себя в
жертву другому, и в результате: *все* принесены в
жертву *никому!*

Любовь к человеку совпадает с любовью к его *запаху*.

Сжать перед *этой* жизнью зубы, как сжимают их
фанатики под пыткой... и молчать, молчать, молчать...

Почему культ «гроба Господня», а не «яслей
Господних»? Вот и колдун Гоголь отправился в
Иерусалим – к *гробу*...

Европейские общественные теории почти не покидают
пределы «служения»: или личность служит обществу,
или общество – личности. И повсюду этот
нестерпимый *лакейский дух!*

Смерть подобна нравственности: сама по себе и сама
из себя...

Что такое «я»? Ближайший предмет. И только.

Русский плохо понимает идею личного спасения:
спасаться — так уж непременно «всем вместе».

Если любые деяния чреватые злом, не бездействием ли
следует искупать грехи?..

Человек может не понять и не почувствовать красоты,
юмора, логики, трагедии... зато смерть он всегда
«чувствует», всегда «понимает»...

Нет большего двусмыслия, чем любовь к силе.

Возможное преодоление Европы: отказ от желания
будущего.

Всё в мире — дар. Нет заслуг, только дары: рождение,
талант, женщина, ребёнок, смерть... как от них
откажешься?

Не в этих ли «авось», «чёрт с ним» и «будь что будет» —
исконные русские черты? Не в них ли выражается
отказ от трудолюбия — в пользу чудесного
преображения? *Тридцать лет* лежал на печи, вдруг
пришли калики перехожие...

Смерть, затерянная в миллионах смертей, утрачивает
всякое значение. Можно оплакать одного умершего, но
как оплакать 1 000 000, 1 000 000 000 мертвецов?

Посмеюсь над собой, что нос имею, пальцы, живот...
посмеюсь и над другими за это... А потом смеяться
перестану.

Алхимия, произрастание, чудо...

Изменять, не убивая.

Не человека надо спасать, а Бога: спасая Его, спасёшь
и человека.

Корбюзье, Малевич, Мондриан – старомодные
мастера, «современники» Лейбница и Декарта. Оживив
в искусстве философские пережитки, они увлекли за
собой «всю Европу».

Мир полон наших детей.

Есть люди, которые, чтобы увидеть, должны услышать.

Прежде чем сдвинуть с дороги камень, испросим
у него прощения: «Прости за то, что вмешиваюсь
в твою жизнь!»

Основные типы религии: ближневосточная
(воинствующая) и дальневосточная (мирная).

Свобода лишена ценности, однако обретший её
становится для ближних искусом, заставляет их
«терзаться несвободой».

Зачем вам моя жизнь? Неужели мало телевизора?
(о родственниках)

Самая актуальная для русского интеллигента история –
история Византии.

Пусть писатель будет не сыщиком и не инженером, а
алхимиком.

Ничто не способно заменить удачной идеи!

Бог свидетельствует о себе молчанием. Голос – знак
беспокойства, «богооставленности».

В чём зловредность истории и великих людей? В том,
что они вытесняют человека из сферы его личной
жизни, заставляют думать о мирах, уже не
существующих, равняться на людей, давно умерших.

Своим трудом человек отгораживается от мира, и его
«трудовые успехи» не пробивают возведённой ограды.

Будь внимателен, будь чуток, будь настороже: это
прежде Бог гремел и вопиял; теперь же чуть шепнёт,
чуть шевельнёт «волоском» – а заметить надо!

Органичность предпочтительнее систематичности.

Самые острые наблюдения – за мёртвым, самые
глубокие – за живым.

Преднамеренность не должна быть половинчатой. Или
совсем её отбрось, или построй на ней всю жизнь.

Душа вопит, вопит – и вдруг смолкает: сорвала связки.
И начинается безмолвный вопль... ни слов, ни песен,
ни криков: *молчание.*

Я – неимуший и неумеющий... но все свои «не» отдаю
Богу (словно «лепту вдовы», доведённую до нуля),

отдаю в глубоком страхе, отдаю с надеждой, что не отвергнет, примет...

Свобода *отвязывает* от творчества.

Как сквозь ветвистое и лиственное дерево не видно леса, так и сквозь «очень богатую» душу не видно других людей.

Труд до одури и дурмана, *запойный труд*...

Вот двое: верующий и неверующий. И оба: едят, пьют, говорят, дышат, потеют, спят, умирают... Так в чём же «суть»?

Читал, читал, читал... и умер!
(жизнь интеллигента)

Неприкаянность русской интеллигенции есть, в лучшем случае, неограниченная одарённость к перевоплощению (Пушкин), в худшем – безудержная тяга к стилизации (Брюсов).

Чтобы жить в раю, нужны определённые способности.

Характерные черты узурпаторов: свирепость, подозрительность, страсть к роскоши и наслаждению, интриганство, ум, трудолюбие...

Что для религиозного чувства важнее: «Бог» или «Верую»?

Не тешь себя иллюзией, что расцвёл бы на лучшей почве, – расцвети *здесь*, среди камней и терний!

Чехов – небывалой души человек, редчайшей души человек, уникальной души человек... «святой мирянин»...

Нас так *мало*... почему же мы не любим друг друга?
(об интеллигенции)

Поменьше знать о том, что нас непосредственно не касается.
(читателям газет)

Люди, подобно бильярдным шарам, катаются в забитом со всех сторон ящике.

Даже *существование* Бога ничуть меня «не убеждает». Вот Он, передо мной, а ему: не верю! И напротив, далёкому, незримому, «несуществующему» – моё искреннее: вот Ты!

Ум есть «подпись задним числом».

Важно понять и почувствовать, что ты – «уже на своём месте», что беспокойство и тяга к переменам обнаруживают лишь иллюзорные выходы.

Все великие реки (Нил, Евфрат, Ганг, Хуан-хэ) – *мутные* реки.

В греческой страсти к антропоморфизму – начало злобного недоверия к *ино-человеческому*.

Я умру... и они умрут... и они тоже... все умрём... Эта мысль, как ни странно, приносит мне великое облегчение.

Если человек где-нибудь и свободен, то только «здесь». В «том мире» он – или блаженный, или проклятый; здесь – свободный.

Величайшая революция Нового времени – *протестантская*. Всё остальное – лишь её следствия.

Эстетика намёка: намёк в пятьсот страниц.

Чтение – *вечное возвращение*.

Что такое *катарсис* в трагедии? Не связан ли он с конечным предпочтением «закона» и с пренебрежением к «страдальцу-одиночке»?

Боги и герои, родившиеся без матери, так или иначе подозрительны: Адам, Афина и т. д.

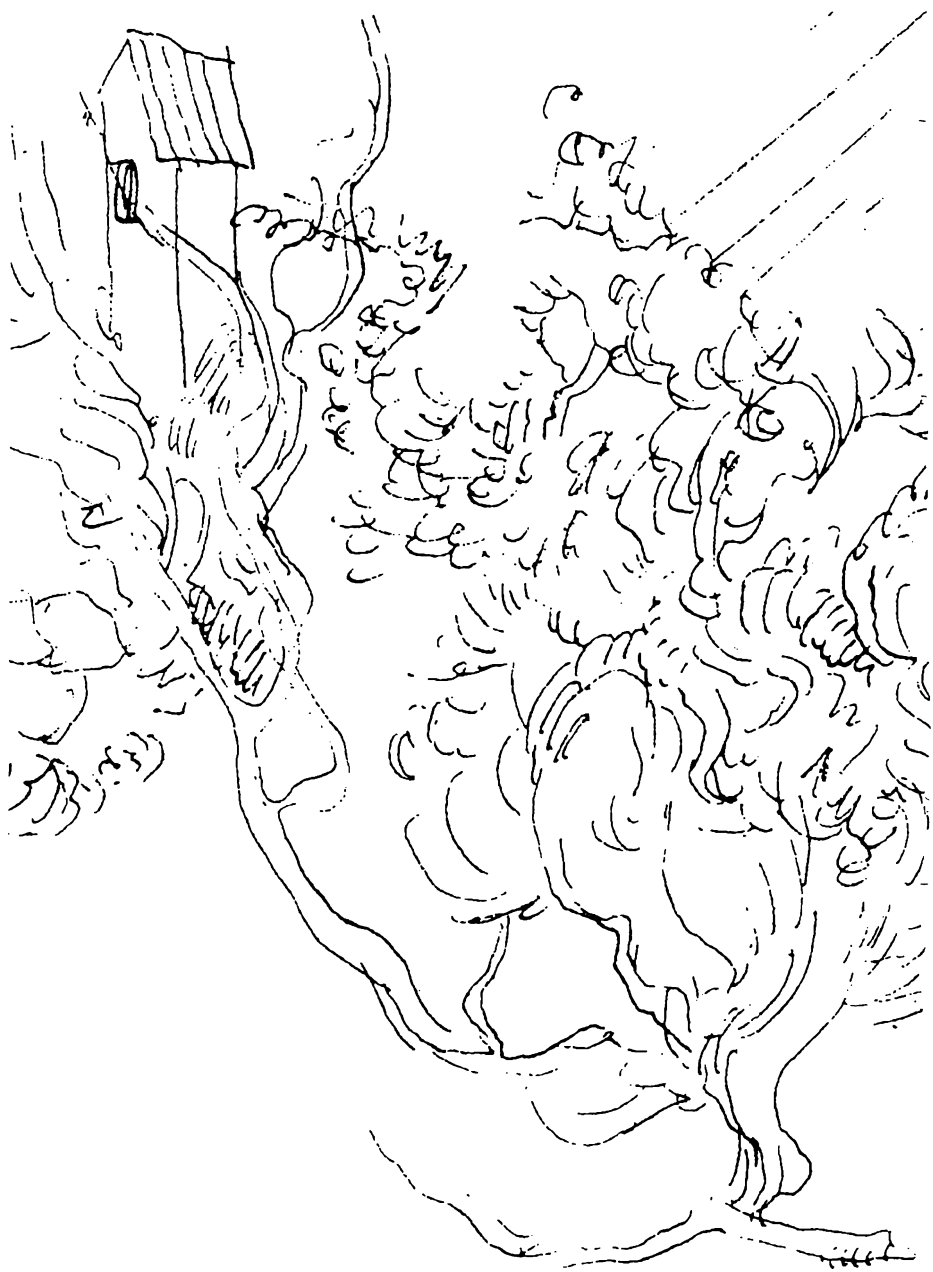
Чтобы *обрести* свою историю, приходится сжигать истории чужие.

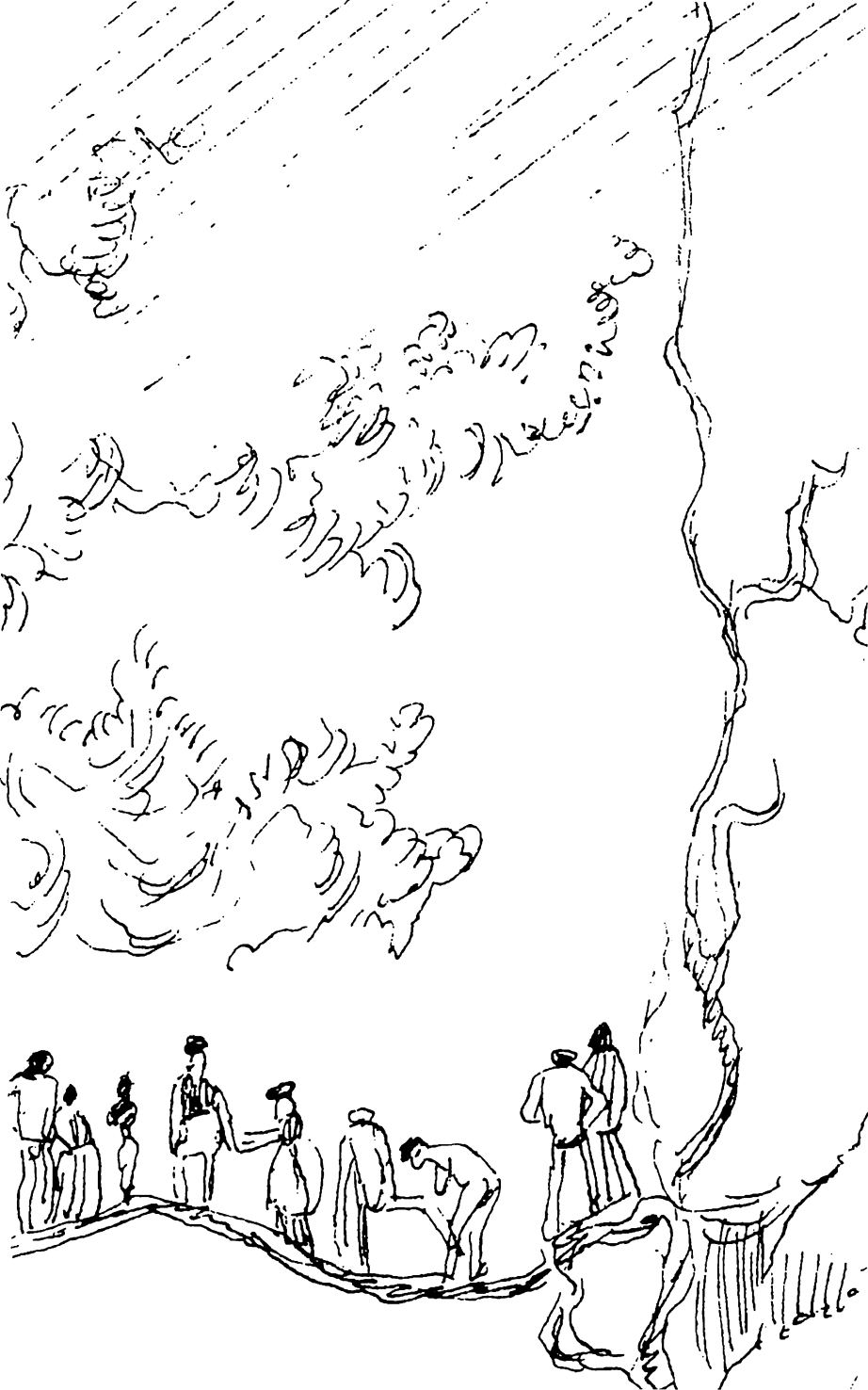
Приятен человек, дремлющий даже днём; бодрствующий ночами – несомненно опасен.

Эпоху плодотворнее всего изучать не по текстам «великих мастеров», а по *массовой продукции*, по второстепенным авторам.

Существует лишь одна проекция: с неба на землю, но не наоборот!

Путешествие давно уже перестало быть средством духовного преображения, превратилось в *путе-шествие* – без пребывания, без прибавления.

Чтобы воспринять вещь, европейцу нужна её «тень».

Стремящийся к книжному многознанию – идеальный
верноподданный: для «накопления знаний» ему
необходимы кабинет и библиотека.

Наука – современная форма инквизиции.

Рытвины и колдобины принимают за «бездны».

Каждый из нас – лишь середина, лишь продолжение,
лишь *звено в цепи*... И нет никаких сил эту цепь
разорвать, из неё вырваться.

Молодость – козырь, но козырь этот быстро уходит из
рук, и к старости мы остаёмся «при мелких
картишках»...

Попробуй, коли смел, уйти в безвестность, но имей в
виду, что и это от смерти не спасёт.

Духовность – не субстанция, она лишь аромат...
аромат вещей самых обыденных, самых
обыкновенных...

Обычная юношеская слабость: сперва *обосновать* мир,
только потом – жить.

Плачутся всё, плачутся... на судьбу, на правительство,
на деньги, на жену, на бесталанность, много ещё на
что... и превращают плач в привычку, в профессию... и
плачутся уже по мелочам и «просто так».

Мотив «я нуждаюсь» не имеет к этике никакого отношения: обретение Бога «из нужды» не является собственно нравственным актом.

Будем заботиться не о себе, а о Боге. Будем верить в Бога не потому, что это *нужно верующему*, а потому, что это *нужно Богу*.

Несмотря на всё видимое многообразие мира, человеку, в сущности, совершенно «негде развернуться».

Старческая благовидность и благочинность не в последнюю очередь связаны с боязнью «упасть и расшибиться».

Опасно *досконально* знать своих современников, можно и самому среди них оказаться.

Пренебрежём психологией человека и обратимся лучше к *психологии Бога*.

Когда не было книг, люди больше нуждались друг в друге.

Гегельянцы – воинственный народ: всё нарываюся на драку, во всём усматривают борьбу.

Самые радикальные революции проходят под флагом *возвращения к прошлому* (Кун-цзы, Ренессанс, Реформация) и начинаются в виде раскопок, переизданий, подражаний, комментариев...

Во всём я где-то «между», «ни то – ни сё», «ни рыба – ни мясо»... Во всём – где-то посередине...

Если невозможно мир обосновать, его можно
основать.

Небо «давит» на меня, и чем оно выше – тем сильнее давит. Душа не взлетает в безмерность, а пугается её. И по-настоящему успокаивается лишь «под низким потолком», «в дупле»...

У глупых мыслей – своё преимущество; они, по крайней мере, не надуманы.

Посредственность – отнюдь не середина.
Посредственность – это одна из крайностей.

Зрелость так же вредна человеку, как и инфантильность.

С виду гражданские, штатские... а в душе: полковники, лейтенанты, ефрейторы...

Римская поэзия – риторика и дидактика... и вообще странное желание сказать «стихом» то, что можно сказать простым словом.

Толстой был «иллюзионистом»; Достоевский, преодолевая иллюзионизм, страдал от этого; Чехов бесстрастно стоял «по ту сторону иллюзии».

Предпочитаю царство праведников – царству справедливости.

Европа, в отличие от Азии, почти не знала независимых и одиноких личностей. Европейец жизни не чаёт без «общества», «салона», «сцены», «монастыря», «печати»...

Ну, ладно ещё, вселенная пульсирует, фотоны разлетаются... но вот эта суэта человеческих душ...

Забуть Геродота (не только Герострата)!

Ни до голода, ни до сытости человека лучше не доводить. Разумнее всего держать его полуголодным, «на диете».

Театр (переполненный и в зале, и на сцене, и за кулисами) – образ западной цивилизации.

Мне нечего *сказать* людям, я им только *отвечаю*.

Как мясо без горчицы «не хорошо», так и в жизни без несчастья «чего-то не хватает». Но если несчастья много, то «слишком горько», «невыносимо» и «жить не хочется».

Мир нынче похож на сверх-кривое зеркало: чуть наклонился – толстая бочка на палочках, шаг отступил – мелкий червяк, двинулся в сторону – длинная расщепленная жердь, в другую – корявый штопор...
Так и живём.

20 томов в защиту лени.

Собственность важнее оригинальности.

Лень отводит человека от злодейства. Шустрый да юркий – тут как тут: и топор наточит, и петлю приладит... а ленивый только рукой махнёт:
«Да ну её к бесу! Лень подниматься...»

Учиться надо не у людей, а у деревьев.

Свалил своё прошлое рухлядью в сундук и запер на замок... «Человек без прошлого».

Первые случайные люди: мой отец, моя мать.

У меня тогда мысли появляются, когда я зол. Потому и мысли злые, потому и нет «спокойствия во языцех».

Не хочу страдать за Бога, хочу за Бога порадоваться.

Другие «шагают в будущее», «делают карьеру», «постигают истину», «устремляются к прекрасному»... а я всё лежу да лежу, то на одном боку, то на другом...
Никак не подняться.

В *пустыне* многое может произойти – и многое происходит.

Концепция *дома* мне гораздо ближе и понятнее, чем концепция спасения.

Философы мешают нам философствовать и – что ещё хуже – философски жить.

Единственное, на что я *абсолютно* способен, – это смерть. Всё остальное – «дело случая».

А что, если миссия человека вовсе не в том, чтобы «цель достигнуть», а в том, чтобы «землю греть», «печь топить»? Тогда уже не скажешь: своё сделал, могу и уйти... Тогда всё время придётся «греть» и «топить» – и никакого *конца* не предвидится...

Речь научила нас времени: если бы мы молчали – не замечали бы «бега времени».

Ужасно хочется «проткнуть пузыри» (Толстой, Швейцер, Хемингуэй) – хотя бы для «восстановления естественного равновесия».

У шумного народа и Бог шумный (Яхве): незрим, но всеслышим.

Упрёк в адрес позитивистов («видят только то, что есть») не вполне обоснован: как раз они-то, замкнутые в области экспериментов, тестов, чисел, гипотез, теорий, – не видят того, «что есть».

Европеец – человек *бегущий*.

Есть книги «зимние», есть «летние», «утренние», «ночные»...

Исходное: *жизнь*, а не жертва. Но если жизни *нужна* жертва – пусть она будет.

Чехов – явление не вполне русское, и потому русскими не до конца понят. Все пронесли мимо, увлекаемые Толстым и Достоевским, а он, словно восточный монах, остался в одиночестве.

Кровавый карнавал.

Привыкли усматривать во времени «старт–финиш»,
а ведь время – *петля!*

Хуже всего (но и лучше всего): когда что-то *одно*
застилает всё поле зрения.

Каждый получает право голоса, а вместе с ним – право
заявлять о своих капризах. Правительство неспособно
навести порядок в возникшей многоголосице,
сумятице и взаимных обидах – и уступает своё место
«сильной власти», которая попросту заткнёт
капризникам рот!

Великая история (Рим, Византия, Китай) есть история
официальная. Об этом не следует забывать.

Бесплотное бесплодно.

Не обращай внимания на ожидания других, живи
независимо: по ту сторону обыденности, по ту сторону
оригинальности. Даже по ту сторону независимости!

Сначала (Реформация) труд вёл к спасению, позже
труд стал спасением. Обычное превращение цели в
средство.

Быть профессионалом или умереть.
(современный Гамлет)

Анти-солипсизм: существуют *только другие.*

Вот уже и сомнение превратилось в самонадеянность...
(об эволюции науки)

Годы близости превращают людей в призраков.

Жизнь. Смерть. И слышать не хочу – ни про ту, ни про
другую!

История Европы как переход от глаза-пальца (Греция)
к глазу-уху (христианство) и глазу-взгляду
(Возрождение).

Что значит: вина? грех? Одни живут так, другие –
иначе...

Бормотанье, бормотанье, бормотанье...

Когда-то Бог был столпом огненным, несомненной
реальностью людской жизни, её эмоциональным
ядром, горнилом и водилом... Нынче же превратился в
необязательную конструкцию, в аппликацию, в
интеллектуальное кружево, в лазарет для
расслабленных...

Реальность пустой комнаты.

Бог многолик: одни его лица холодны, другие горячи.

В глубине души наказанный полагает, что «все счёты
сведены» и «можно начинать сначала». Иное дело
преступление *без наказания*, постоянно
напоминающее о себе *угрозой* наказания.

Человек потому и любит, что не понимает, потому и не понимает, что любит.

Читают, читают без конца, а ведь удивительно *мало* читают!

Моя жизнь не поучительна и не интересна. Но это и хорошо: другим нет до меня дела.

За то уже не люблю грамматику, что в ней фразы состоят из подлежащего, сказуемого и т. д. Нет сил терпеть это безобразие!

Несчастья, которые мы приносим ближним, делают нас взрослыми.

Завтра я могу умереть. Даже *сегодня*. И удивительная радость, что жив ещё, не умер. И небывалая грусть, что радуюсь этому.

Когда человека оставляет чувство гармонии, он обращается к симметрии.

Требуют понимания в диалоге. Для чего? Оказывается, чтобы лучше понимать приказы начальства!

Теория создаёт человека сообразно своим представлениям о нём: после того, как Маркс, Фрейд, Сартр описали его, каждый по-своему, возникли: марксов человек, фрейдов человек, сартров человек...

Главное испытание в жизни: её каждодневность.

Нам не столько сама чужая жизнь нужна, сколько *дыхание* чужой жизни. Люди же, не понимая этого, не умеют остановиться «на расстоянии дыхания».

Не понимаю, как можно писать стихи и каждый день ходить на работу!

Профессионализм позволяет человеку чувствовать себя «царём»: пусть в самой малой, ничтожной области... но всё равно – царём!

И всё же я суетлив. Если не в движениях, так в мыслях.

Своим малым глазом я не узрел Тебя и вот, чтобы раскрыть свой глаз шире, умалил Тебя.

Скажи мне, что такое *истина*, и я скажу, кто ты.

Из моей кожи шьют себе одёжи.

Как я могу пред-ставить Бога, если Он во мне, внутри меня? Я мог бы, пожалуй, Его вы-ставить, но тогда Он перестанет быть *моим*.

Игра в «жертву произвола»: всю свою жизнь построил на том, что в юности сидел в тюрьме.

Саботаж должен быть полным.

Русский народ, устав от недельной работы, едет в воскресенье за город собирать грибы. А что будет, когда «грибы кончатся»?

Говорят: нет безвыходного положения. Возможно.
Но есть положения *безвыходные*.

Вера без религии.

Смерть объединяет людей. Жизнь – разделяет. Таким образом, люди обретают единение, лишь перестав быть людьми.

Я Бога не боюсь, я Бога остерегаюсь.

Сознательный дилетант так относится к профессионалу, как юродивый к святому: он далёк от совершенства, зато избавлен от гордыни.

Жаловаться мне на судьбу или благодарить её?
Не знаю. Обидела она меня или наградила?
Никак толком не разберусь.

Платон во всём виноват.

Не только слово, даже мысль угрожает смертью. Адам, называя зверей и вещи, стал первым «убийцей», расчистил дорогу Каину.

Все религии возникли на Востоке и могут быть разделены на ближне-, средне- и дальне-восточные.

Кто же мои учителя? Кто они?

Тому, кто скажет мне: «Счастливый человек!» – немедленно плюну в рожу. Тому же, кто скажет: «Несчастный!» – плюну дважды.

Греция – бельмо на глазу человечества.

Бог есть Ничто, к которому обращено наше Всё. Бог
есть Всё, к которому обращено наше Ничто.

Назойлив, как муха.
(о мире)

Словно красными флажками, обложили человека
всевозможными теориями (биологическими,
антропологическими, социологическими). Ну и чёрт с
ними! Просто не надо бегать, не надо шевелиться, а
лечь – и лежать неподвижно... пока красная рябь
флажков не перестанет внушать страх.

Женщина похожа на печь в большой комнате: близко –
жарко, далеко – холодно.

Вот я с усмешкой поглядываю на газеты, собрания,
организации... а не с такой ли усмешкой поглядывает
религиозный человек на все наши книги, театры,
общества?

Бог-правитель, Бог-правило, Бог-правило –
католицизм, протестантство, православие.

Чем бы я мог «свалить» функционера (профессионала,
технократа)? Своей верой в Бога. Но верую ли я? И
хочу ли его «свалить»? А вдруг и он верует?

Проходят часы, а он всё ждёт мгновения.
(о Фаусте)

Газеты печатают «слишком мелко», потому их и не читаю.

Иногда мне кажется, что вся моя жизнь есть обман. Но *кого* я обманываю? Себя? Людей? Бога? Не знаю. Или меня кто-то обманывает? Тоже не знаю.

Когда нет любви, появляются обязанности.

Жизнь культурного человека – сплошное цитирование.
Жизнь простого человека – сплошное подражание.

Душа моя – лишь горсть камней. Или так: я похож на огромный гнойник, который никак не прорвётся. Вся жизнь – гной, жар, озноб... никакого облегчения.

Надо не к смерти готовиться, а к старости. Смерть универсальна, непреложна; старость – необязательна, индивидуальна. Готовясь к старости, я, конечно, многим рискую, но многое и обретаю.

Не люблю начало, не люблю конец – люблю середину.
Во всём так, даже в шахматах.

Насилие – каркас существования. Словно колосья в сноп, увязывает оно людей и души.

Люди Бога ищут, домогаются, зывают к Нему... а я от Бога бегу, прячусь, ищу «покой и жизнь» вне Него. Или это уловка такая, чтобы Он сам ко мне заглянул?

Или вообще откажись от мышления, или научись
мыслить, не убивая.

Как приятно чувствовать рядом живую жизнь! Много и не надо: дым из трубы, протоптанная в снегу тропинка, запотевшее окно... и уже достаточно, уже душа радуется.

Как важно быть серьёзным! Как важно быть серьёзным!

Голубое небо, синие тени, яркое солнце... Ну какое, казалось бы, мне дело до падения Византийской империи?

Не люблю ни «последних слов», ни «предсмертных изречений», ни «исторических фраз»...

Моя жизнь похожа на *приступ астмы*. Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь... Разве здесь до красивой позы, до выразительных слов?

Один день писать иероглиф, второй день – читать его, третий – думать о нём.
(благая жизнь)

Жизнь – упражнение в терпении.

Вполне достаточно двух заповедей: Люби! Не убий! – остальные излишни. Впрочем, и эти две говорят об одном.

Не хлопать дверью, а тихо прикрыть её за собой... Все жившие продолжают жить, ни одна нить не оборвана, никто не умер...

Время от времени следует поступать себе во зло.

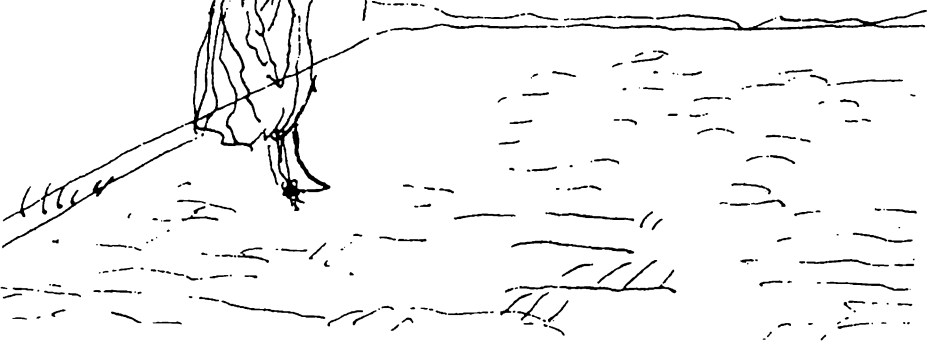
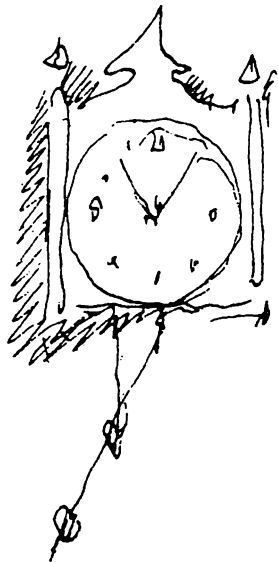
Чему научила меня жизнь? Ничему. Что я умею?
Ничего. Что я понял? Ничего. Что я сделал? Ничего.
А скоро, возможно, умру. Ну и что?

Стоят и кричат друг другу. Человек: «Господи, почто
меня оставил?» Бог: «Человече, почто Меня оставил?»
Так стоят друг против друга и кричат.

1972–1973

П У Н К Т И Р Ы

отрывки из **4**-й тетради

Поэзия подобна пятнам Роршаха: сравнение травинки с копьём (немцы) или с дудкой (Заболоцкий) выявляет совершенно различные мировоззрения. «Строки Роршаха».

Ужасна и невыносима для взгляда голая тюремная решётка. Красивая же, с завитушками – смягчает удар, позволяет, глядя на красоту, забытья...

Человек рождается для жизни, а не для разговоров о жизни.

Не суди о человеке, что он для тебя, а суди, что он для Бога. Но об этом не тебе судить!

Кому не на что опереться, тот опирается на трупы.

От лозунга: свобода, равенство, братство, мир, труд – осталось: труд, труд, труд, труд, труд.

Школа мастерства есть школа ада.

Голубь («птица мира») – одна из самых жадных,
жестоких и похотливых птиц.

Я – семя, и я – старик (семя, не желающее прорасти).

Чужак свиреп и безжалостен, что полезно
для управления страной. Среди современных
узурпаторов – немало инородцев
(Наполеон, Гитлер, Сталин).

В Америке меня интересует
только *анти-американское*.

Свободная воля жива, но смертна; бессмертие
сопряжено со смертью свободной воли.

Значение американской культуры раздуто апологетами
Америки, как в своё время было раздуто
значение Рима. И Америка, и Рим лишены
самого важного: *искры Божьей*.

Гениальность столь же редка, как редки новые игры.

Для большинства людей «всё, что могло начаться»
началось где-то в XVI веке, во времена Галилея,
не раньше.

Душа ждёт праздника. Хочется ей праздновать.
Хочется – и всё.

От Греции нам достались римские копии статуй,
расколотые на куски.
Индия сохранила свою скульптуру целой.

Глядят сквозь вещи... и называют это «глубиной видения».

И ноль, и бесконечность, и Бог замыкают те или иные
многообразия (числовые, мировые), что позволяет
соотнести с Богом ноль (Индия) или бесконечность
(Европа). Единица с Богом как-то не соотносится,
противостоит ему (позитивизм, Кун-цзы).

Я остаюсь «здесь», поскольку не верю, что спасение –
«там». Но и не верю в то, что спасение – «здесь».
В конечном счёте, я вообще не верю в спасение.

Когда мы ценим книгу, мы обижаем женщину.

Давнишняя моя мечта: мир без слов.
«Мечта литератора».

«Свет разума», выхватывая из темноты предметы,
лишает их глубины и объёма, делает плоскими
и однообразными.

Чтобы мыслить, мне необходимо *раздражение*.
Печально... но что поделаешь? И чем острее
раздражение, тем пронизательнее мысль.

Мы всё строим, строим, строим... нашим детям, детям,
детям... и всё будет, будет, будет... А ничего нет.
И значит: ничего не будет.

В христианстве будущее служит *основанием* для настоящего (этика). В коммунистическом учении будущее ничего не обосновывает, оно просто «есть». Есть где-то там. И ест людей, их жизни и души. Молох Будущего.

Ум – средство для обмана.

Мы, мол, как-нибудь и кое-как... да ничего, обойдёмся... Зато там, где-то и когда-то, кому-то, быть может, будет лучше...
(идеология коммунизма)

Поскольку «авось» родствен русской душе, то неудивительно, что русские приняли идею коммунизма. Тот же «авось».

У меня совершенно ничего нет (из трудов), кроме «Пунктиров». Но и их как бы нет.

Неверно, будто я – непослушное дитя и выступаю против законов. Просто – «память плохая», забываю, чему и как подчиняться, вот и живу, как получается...

Я не боюсь «чужого глаза», но когда я с ним – это одно, а когда без него – другое.
Больше люблю «без глаза».

Мне всегда жаль людей, которых недооценивают, и хочется восстановить их *в правах*. Порой даже до глупости: Гегель, Гегель, Гегель... а почему не Пришвин, например? Очень обидно, что всё Гегель и Гегель, а Пришвина совсем нет. Хочется, чтобы хоть ненадолго было наоборот: Пришвин, Пришвин... а Гегеля «вдруг позабыли».

Великий человек подобен снежному кому: срабатывает
какая-то «экспонента», которая даже крошечные
отличия «великого» от «малого» умножает до
бесконечности. И всё в «великом» становится важным:
даже пуговица на фраке!

Религия – радость, а не больница.

Психология претензий, споров и недовольства всё
больше захватывает простых людей. Каждый чего-то
добивается, домогается, требует, обижается,
капризничает... Ни тишины, ни покоя.

За воротами этики.

Умные нам тогда нужны, когда они бомбы делают.
А если умный сам по себе и сам для себя, тогда мы
его лучше расстреляем.

Страсть американца обогнать всех столь велика, что
он придумывает «что-то» специально для того, чтобы
оказаться в нём первым.

Из познаваемости мира отнюдь не следует
необходимость его познания.

Всякий человек погружён в море из человек.
«Ближнее море».

Россия на отмели.

С появлением газеты начался *мозаичный период*
истории. Только мозаика эта – «вывернутая»:

отдельный элемент газетной информации
ещё наделён смыслом, а вот весь газетный лист
смысла лишён.

Отяжелевшая душа, никак *не оторваться*.

Человек не умеет жить. И никакой размах мысли,
никакой разгул фантазии ему не помогают: не умеет.

Вместо *точки зрения* (единичной, отчётливой) –
перспектива зрения (скользящая и расплывчатая).

С одной стороны – «жить хочется», с другой – «все
умирают, и я умру». Вот и попробуй преодолей такую
«заминку»!

Когда я родился, со мной родился *мой потолок*
(предел возможностей), и всю жизнь – он надо мной. И
что бы я ни делал, как бы ни старался – вот он, никуда
от него не денешься... Но так ли это плохо? Так ли
плохо иметь «крышу над головой»?

Больше веры в необнаружимое.

Цивилизация уже тем плоха, что всё, чем она живёт,
люди взяли и *специально* выдумали. Это «специально»
всё и отравляет. Непременно захочется чего-нибудь
неспещиального!

Миф – вечность литературы.

Море образует край, границу, к которой люди
устремляются и, достигнув, затихают в предчувствии

мира иного, огромного, недоступного. Море и есть край нашего мира. (– Вы куда? – К морю.)

У леса пафос иной: в лес уходят, в него погружаются, избавленные от непереносимой направленности движения, в нём просто *пребывают*.
(– Вы куда? – В лес.)

Морской берег и лесная чаща – зримые образы двух важнейших «томлений человеческого духа»: христианства и дзен-буддизма.

Голос Твой затерялся в тишине, и я ответил Тебе далёким эхом...

Меня не столько мысли интересуют, сколько *уподобления*.

Европейское общество есть «общество одежд»: всякое раздевание в нём временно и, в конечном счёте, обречено на провал.

Мысли мои застревают в мозгу, не добравшись до языка: мозг, словно паутина дохлых мух, полон *недовысказанных мыслей*.

Атлетические соревнования греков (борьба) есть взаимное *ощупывание*. Такова же их любовь, таковы их геометрия и арифметика, атомы, космос...

В Евангелии Апокалипсис предшествует Второму пришествию, в России – наоборот.

Бесмысленно противопоставлять романтическое событие – мещанскому быту, поскольку любое событие

происходит сейчас в рамках быта и, следовательно, все мы являемся мещанами. О прочем остаётся только мечтать.

Открыв для себя «широкое поле», я так и не ступил на него ни одной ногой.

Индусу холодно в Европе, европейцу в Индии – жарко. В духовном мире свои «климатические зоны», свои пустыни и свои тропики. Европейцу, обитателю умеренного климата «классических форм», не вынести ни пустынь религиозной аскезы, ни тропиков художественного сверх-изобилия.

Технократ, всю жизнь проработавший «на войну», раскаявшийся под старость лет в своих деяниях и занявшийся нравственной филантропией, так и остаётся для меня технократом. Я не верю в искренность его раскаяний: кажется, он не зачёркивает труды своей жизни, а просто старается *post factum* «гуманизировать» их.

– А что же ты раньше думал?

Как видно из истории, человеку никогда не было хорошо. Откуда следует, что и сейчас ему «не так уж плохо».

Чтобы полюбоваться цветком, европейцу непременно надо его сорвать!

Мы работаем на государство, потому что «деньги нужны». А почему бы не работать, по той же причине, на Церковь?

Прежде чем говорить о мире, полюби его.

Вечный блин комом.
(о России)

Отважимся на поэзию без метафоры, науку без причин
и следствий, религию без воплощения.

Кто не в силах создать себе *абсолютную* цель, пусть
научится жить без неё.

Самое главное: не хочу спасения. А если хочу, то лишь
изредка, «для отдыха».

«Всё дозволено» понимают обычно как нарушение
общепринятого (преступление). А почему бы не увидеть
в нём разрешение *невозможного* (преображение)?

Время змеёй кольцует человека и сжимает,
сжимает – пока не удушит совсем.

Обычное желание: начать новую жизнь. Не лучше ли
начать жизнь *старую*?

Среди всего этого, именуемого «прогрессом», совсем
неплохо оказаться реакционером.

Реальные проблемы: реальные, а не словесные! Я по
ним ужасно тоскую, меня без них хандра одолевает.

Есть *изнутри-крикливые* люди: даже когда шепчут –
всё равно кричат!

Сквозь закоптелое окно памяти вглядываюсь
в прошлое: тусклый свет, мутные тени,
непонятное дыхание...

На длинные фразы у меня недостаёт дыхания, памяти,
рассудительности.

В собственном мнении не больше ценности, чем в
любом чужом. Но своё «теплее». Так и душа.

Затерянное поколение.

В разных странах люди и пьют по-разному, и по-
разному пьянеют.

Из окна догматического сознания непременно
высовывается чья-нибудь бронзовая голова.

Профессия обязывает!

Пятнадцать лет учиться, чтобы стать наконец идиотом!
Не лучше ли бы сразу, без учёбы?

Женщины, как и дети, – прекрасные учителя:
провоцируя на возражение, они острят мысль,
указывают новые возможности.

Моя жизнь – песня. Пропетая хриплым и неверным
голосом.

Ни малейшего желания сверять себя с другими: лучше
ли, хуже? оригинален или «такой, как все»? И так хорош.

Человечество *без продукта* не может, а вот человеку
пожить без него очень даже полезно.

И всё ожидают от меня чего-то, ожидают... И я ожидаю:
когда же перестанут наконец ожидать?

Пришло вдруг в голову, что вся моя «философия»
исчерпывается двумя словами: *Всё хорошо*. Моя
Иисусова молитва.

Вера – кровь, литература – моча. Вера – *нутряная*,
литературе надобен выход.

Куда нам ещё «восточную мудрость»? И западную-то
не знаем куда деть.

Пусть Бог, но не господин!

У мужчины – подвиг; у женщины – подвижничество.

Бесов не убивают, а изгоняют.
(о современности)

Мне легко жить: в любой момент могу «от всего
отключиться» и вернуться к своей магистральной
мысли: Ничего не надо!
(в положительной форме: *Всё хорошо*).

Игра в «Спасителя»: кого бы ещё спасти?
И уже не могут не спасать.

Год за годом «топчусь на одном месте». Даже так:
«ворочаюсь с боку на бок». И не хочу другого.

Чтобы жить своей эпохой, надо, чтобы и она жила тобой. Но если время тебе чуждо, наберись смелости – стань и ты *чужим* времени.

Ну зачем тебе «общество», «прогресс», «светлое будущее»? Мало, что ли, птиц, собак, листьев?

Три области недоступны женскому гению: философия, математика, музыка. Интересно, что именно в них с изумительной силой проявили себя немцы.

Безделье – протест. Против чего? Против дела, лишённого смысла.

Что делать нынче человеку, тяготеющему к делу?
Неужто *идти в службу*?

Легко создать идеологию «для всех»; куда труднее устроить свою собственную жизнь.

Центральная фигура германской культуры: человек *трезвый* (чиновник, моралист, инженер, капиталист).
А пьяный «вынесен за скобки».

Отшельники опаснее для государства, чем революционеры. С революционерами хоть общий язык найти можно, а с отшельниками – никак.

Не надо мне рая, только оставьте меня в покое.

Не пора ли изгнать всех евреев и интеллигентов – и строить «светлое будущее» без них?

«Жизнь – это борьба». И сколько вокруг убийств,
ненависти, смерти... Поневоле захочешь иного.
«Жизнь – это рождение».

Любимое, неискоренимое людское занятие: убивать
себе подобных.

Национальный дух тесно связан не только с языком, но
и с алфавитом. Удивительна пронизательность Петра I,
в нужный момент заменившего русский алфавит на
«средне-европейский».

Китайцы едят мирными бамбуковыми палочками,
европейцы и за обеденным столом устраивают
сражения (нож, вилка).

Варвары не иссякли, культура ещё возможна.

Толпу построили, окружили конвоирами –
и повели в рай.

Во Франции *много* вина, и потому много поэтов.
В Германии *мало* вина, и потому много поэтов.

Не хочется никого поучать. Но ведь если не поучать
добрю, будут поучать злу.

Ты – *немой*. Узнай это и живи, зная это.

Привыкли видеть в человеке мясорубку: сюда кладём,
отсюда выходит... и с подозрением и негодованием
смотрят на тех, из кого «ничего не выходит».

Социальность, в конечном счёте, – всего лишь совместное чаепитие. И разговор за чаем. Приятная, конечно, вещь, но стоит ли преувеличивать?

Полное, ясное, непротиворечивое мировоззрение – не более как претензия на власть и водительство.

Перламутр, перламутр... Зелени недостаёт.

Собирается толпа и, чтобы оправдать собрание, – ищет общее дело. Находит такое в разрушении.
«Нет ничего проще».

Всё сидел и сидел, читал книгу. Оказывается: спал.
Похрапывая.

Поджечь сети. Поджечь, поджечь, поджечь сети.

Девять лет просидел перед стеной: сначала с тайной надеждой, что откроется; потом в твёрдой уверенности, что не откроется; затем просто по привычке; наконец, поняв, что всё давно уже открыто. После чего иссякло и понимание, и только настенный календарь позволяет мне ныне произносить эти слова: *Девять лет перед стеной*. Но были ли они, эти девять лет? И была ли стена? И где, в таком случае, был я?

Разговор служит не взаимному пониманию, а пониманию самого себя.

Легко отказаться от мировоззрения, когда оно есть.
Когда нет – ещё легче.

Фундамент моего бытия непрочен. Но и выдержать ему
надо немного – всего одного.

Научились строить «лучшие миры»: отцы строили, и
дети будут строить, и внуки. А как жить в мире, пусть
даже не лучшим, забыли.

С глубоким удовлетворением размышляет человек о
своём *богатстве*: денег нет, зато талантлив... и т. д.

А попробуйте отказаться от всякого богатства.

От всякого.

Даже такие немецкие миротворцы, как Швейцер,
исполнены милитаристского духа.

Почитайте его книги, обращая внимание на слова:
военно-полевой лексикон!

Не истина важна, а правдивость: истина задевает нас
откуда-то извне, правдивость проистекает изнутри.

Страна, в которой «культура» рифмуется
с физкультурой.

Верить можно лишь в рождённое собой. Оно же
внушает наибольшие сомнения. Таково творчество.

Бог с ней, с истиной-то... вот жизнь как прожить?

Глубокие люди, застрявшие на мелководье
современности.

Три формы речи обладают особой ценностью:
молчание, косноязычие и «ангельские голоса» –

именно они и используются при разговоре с Богом. Что касается «обычной речи», то это не более как общее место, «частушка»...

Коридор с запасными выходами. «На всякий случай». (моё мышление)

Страстное моё желание: потратить себя зря.

Где кончается истина, там возникают правила игры.

Сугубо мужская профессия: называтель имён.
Женское **видение** мира стоит «по ту сторону называния»: Ева была создана *после того*, как Адам уже «всё назвал».

«Как по нотам». Самое нелюбимое.

Человек с даром спасён, но и опасен.

Узнав о моей «борьбе за свободу», кто-то, умный и понимающий, качнёт головой: «Да-да... и это необходимо... и это входит в общий мировой план...»
Так и вцепился бы ему в горло!

Не потому обидно, что «меня обидели», а потому обидно, что «люди такие».

Свобода относительна, но не следует преуменьшать её возможностей. Мы привыкли «гнётом необходимости» оправдывать слабость, лень и усталость своей души.

Не знаю, как жить и для чего жить, но так ли это для жизни важно?

Мой бог мал: мой, он никак не велик; вне меня, он никак не мой.

В их учителя скрывается палач, в балете – военный парад, в свободе – тирания.

Зачем глядеть на Восток, если я – уже на Востоке?

Казалось бы, что именно атеисты, не верящие в существование загробной жизни, должны с уважением и благоговением относиться к жизни на этом свете. Совсем наоборот! Они-то и оказались к ней самыми безразличными, самыми ненавистными.

Чем мельче тварь, тем чаще бьёт крылом.

Днём думаешь об одном, ночью в голову приходит совсем другое: писателю, работающему в дневное время, не понять того, кто пишет ночью.

Бог сумасшедших, он тоже Бог.

«Лень додумать», «не знаю толком», «связности не хватает» – таково моё дилетантство. Чем, впрочем, не философия?

Словно сел в ночной дребезжащий трамвай и еду, еду... и такая вдруг усталость навалилась, что сил нет встать... вот и сажу... и еду, еду, без конца...

Ах, смысл, смысл! Готов и красоту за тебя отдать.

Спрятался среди деревьев, *упрямый* в своей печали...

Селятся кучно, дом к дому, хотя и знают давно,
что с дома на дом бегут частые пожары
и болезни – всё равно дом на дом теснят...
и нет, кажется, для них страшнее дома,
чем дом одинокий, дом на отшибе.
(о русских)

Не случись русского казуса, о марксизме знали бы
разве что из учебников экономики
(да и то мелким шрифтом).

Современный марксизм – своеобразная форма
мистики: например, он не видит принципиальных
различий между мужчиной и женщиной. Это в нём и
интересно.

Называют *духовным* то, что правильнее назвать
книжным.

Каких только страстей не наговорит интеллигент за
столом! Но не бойтесь, не бойтесь: слова это всё,
слова, слова...

В куполе православной церкви и стреле колокольни –
со-поставленные Россией Восток и Запад.

Я: «Бога хочу найти!» А мне: «Ходи в церковь, ходи в
церковь!» Или это не так нелепо, как кажется?

Пишу коротко и обрывисто. Почему?

Да потому что «ни для кого».

Жизнь *утратила* свой накал, но вот что странно:
человек ценит её и цепляется за неё
как никогда прежде.

Подлинную «умную радость» приносит *нежданная*
мысль. Бог мой, как она редка!

Ребёнок и есть *настоящий* учитель, только наука его
нам невнятна, довольствуемся искусством.

Когда узришь себя точкой, а не запятой, завершением,
а не продолжением – тогда и умереть не жалко.

Голос застревает в горле.
(о нашем времени)

Что есть дух? Не знаю. Дух *есть*, но что он есть? Не
знаю, не знаю.

Человек – мыслящий тростник, но и это его не спасёт!

В литературе у меня – *короткое* дыхание. Готов на
этом дыхании писать всю жизнь. «Мой размер».

Тридцать томов Гегеля и три строчки Басё. Что
перевесит?

Есть *жизни*, похожие на сборник цитат.

Хочешь узнать меня – узнай меня *во хмелю*.

Тщеславие – мужское кокетство;
кокетство – женское тщеславие.

Книги – лишь убежище, и мысли – лишь убежище,
и дела – лишь убежище.

Ни одного дела, ни одной фразы, ни одной мысли не
доведено до точки... Сплошные многоточия...
(о себе)

Социальная лестница увлекает многих не реальными
благами, а новыми одеждами. Карьера как *смена
гардероба*.

Моё отношение к желаниям: есть они – они есть,
нет их – их нет.

Для чего людям «великие идеи»? Чтобы умереть за
них. Чтобы убить за них.

Мои «Пунктиры» – образчик *вечного повторения*: мысль
топчется на месте, стиль вторит сам себе, словарь
нищенски однообразен...

Прожить *без всего*.

Когда же мы наконец научимся видеть в одиночестве
награду, а не наказание!?

Всё больше и больше времени проводим «где-то»,
«мимоходом», «по пути»... домой возвращаемся

«лишь поспать»... Повсюду успеваем,
нигде нас нет.

Изобретение книгопечатания, упрятав писателя «за
тираж» и вооружив его удалённым от личного примера
словом, породило *идеологическое сознание*.

Давайте вспоминать о том, чего *никогда* не знали.

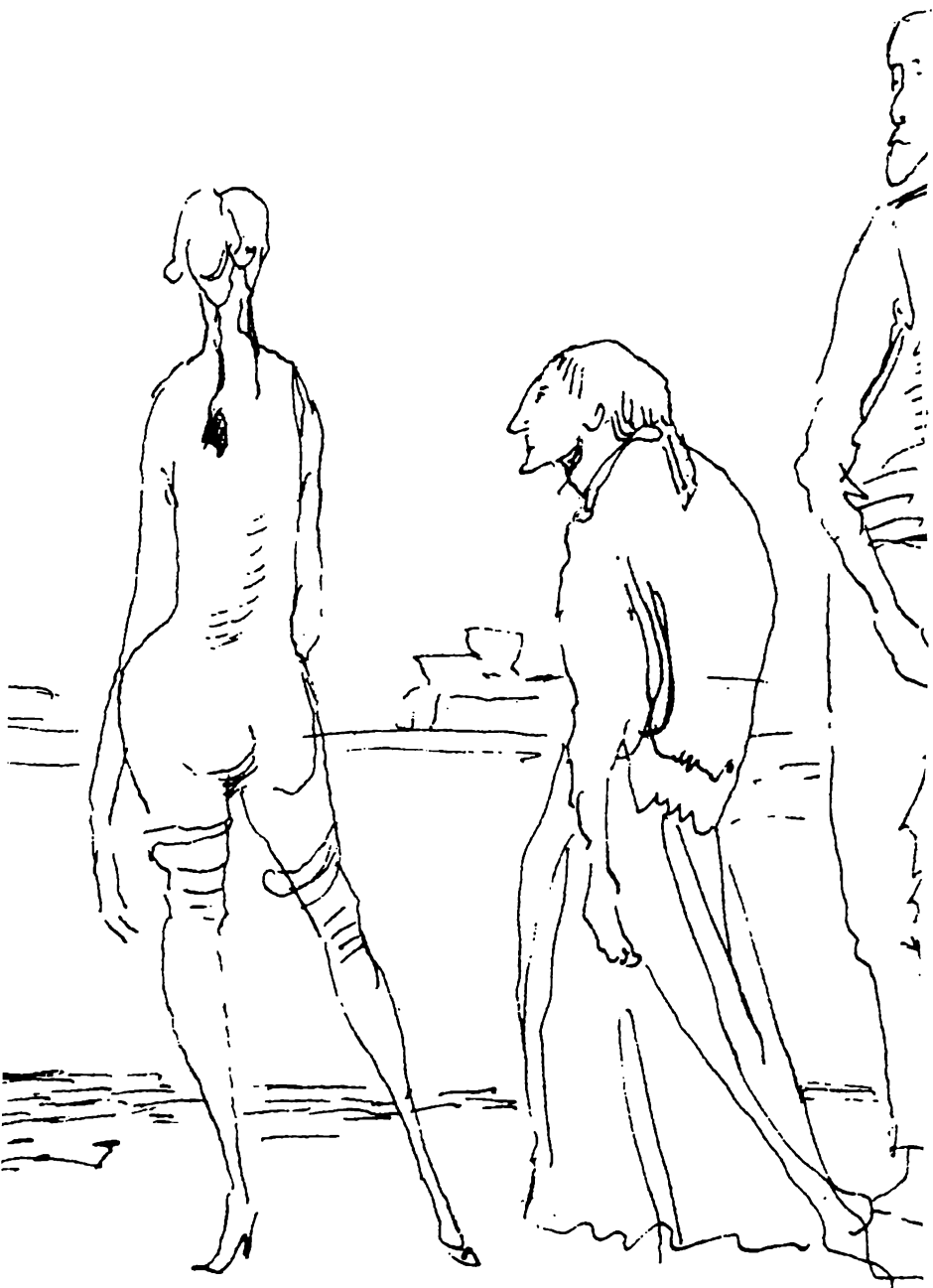
Во времена всеобщей безвкусицы люди со вкусом –
несчастнейшие из созданий!

Я никуда не хочу идти, я уже *пришёл*.

1974

П У Н К Т И Р Ы

*отрывки из **5**-й тетради*

Жизнь напоминает танец на болотной кочке: покуда на ней – жив и весел, чуть ступил в сторону – уже в трясине, уже нет тебя.

Покричи – и помолчи.

Плох тот текст, что слишком умело ведёт за собой.
В тексте непременно должны быть пропуски, умолчания, перебои, *белые пятна*.

Возможный выход: Западо-Восток.

Традиционный труд-проклятье немцы заменили трудом-спасением.

Нирвана – отказ от всех зеркал.

Идеальные представления о человеке, жизни и мире формируются в юности,

то есть задолго до *реальной* встречи с тем,
другим и третьим.

Есть что-то ужасно смешное: в Л. Толстом, в его
семействе, в его последователях... Вот так же «ужасно
смешон» был никогда не улыбавшийся комик Б. Китон.

Люблю писателей одной книги. Приятно знать, что они
не только книги писали!

Сажу на муравейнике и удивляюсь,
что муравьи кусаются.

Чтобы не замечать пустоту, люди то и дело её меняют.

Какой актёр умер!
(на смерть Толстого)

Всё меньше интеллигентов, всё больше
интеллектуалов.

Я их не знаю, почему они меня знают?
(против известности, против сыска)

Интересно, кто через 200 лет будет читать Филдинга?
Теккеря? Бальзака? Золя? Всех прочих «буржуазных»
романистов с их бесчисленными «буржуазными»
романами?

Хочет ли человек слышать? Нет, иначе бы он не шумел.

Неподвижность вещей создаёт у человека иллюзию
овладения временем.

Русские философы и богословы «серебряного века» с эсхатологией явно переусердствовали. Не они ли накликали революцию?

Фридрих Великий (и вся Германия) – Конфуций, помноженный на Чингис-хана.

В конце концов, можно прожить и без чернильницы.

Некому сказать, зато и нечего сказать.

Какие-то нелепые, ехидные, болтливые придворные и мещане (Вольтер и К^о?)... И это называется лучшие философы Нового времени!

Я зрею для «темы», которую мне не осилить.
С этим и умру.

Долго и обстоятельно говорю о том, что мне *не о чем* говорить.

Не начинай жизнь с книжных идеалов;
начни ей проще, грубее, с годами утончая.
Твой идеал пусть окажется *плодом* жизни, а не её
предысторией. Так и женщина: не рождается с
ребёнком, но *дорастает* до него.

Гору красоты готов отдать порой за крошку смысла.
А порой – наоборот.

На фоне западного изобилия и всеобщей тяги к изобилию кого могут увлечь призывы к аскезе?

Как рождается настоящее слово? Взлётом любви.
Всплеском ненависти.

До мифа была музыка. Миф — это и есть музыка.
Музыка, обросшая словами.

Славянофильство можно возродить следующим
образом: усмотреть в нём лишь «верхний слой» и
указать в глубине на *свет с Востока*.

Всё немцы виноваты!
(о петербургской культуре)

И потоп хорош: хоть покупаемся вволю.

Из молодых идеалистов получаются хорошие солдаты.

Лучше своё *молчание*, чем чужое слово.

Кое-что надо сохранить «для себя», но не потому, что
«стыдно» или «страшно», а потому, что когда *для*
других, «всё теряется» и перестаёт быть «тем, что было».

Бытие многообразно: человек кричит, говорит, шепчет,
молчит.

В мужском мистицизме, что ни говори, преобладают
духовность и здоровье, в женском — эмоциональность
и истерика.

Словно удав кролика, заглатывает человек свою
молодость, а потом, в неподвижности и полудрёме,
питается ею до самой смерти.

У русских не было *эпоса*. Не в этом ли причина их
неприкаянности?

Преднамеренная случайность.

Наука слишком опасна, пора от неё отказаться.
Именно поэтому и не откажутся!

Цветы, произрастающие из людских мучений.

В основании Европы больше варварского, чем
греческого, больше римского, чем христианского.

У индусов – древо жизни, у европейцев –
телеграфный столб.

Наука пришлась по душе атеизму и нигилизму.
Почему? Не потому ли, что она – их «детище»?
Или потому, что даже нигилизму нужны *хотя бы*
элементарные процедуры жизни?

Остряки и болтуны Просвещения.

«Лови мгновение!» Готов. Которое из них?

Даже если за абсурд хорошо платят,
он не перестаёт быть абсурдом.
(о нашем времени)

Вместо леса – одно дерево, у дерева – одна ветвь,
на ветке – один плод. Всё прочее: корчуеться,
прореживается, выстригается.
(тотальность)

Не я – во времени, время – во мне: зеленеет,
краснеет, желтеет...

Европеец всякое дерево норовит обратить в столб:
«приятнее для взгляда», «не так страшно»,
«рациональнее».

Выпадение из социальности: отшельник в Риме,
юродивый в Москве.

Для западного человек мир – это мир, который «надо
переделать». Иначе он не может, у него «руки
чешутся».

Друзья мёртвых цветов.

К чёрту историю! Ничто не на-следует и не по-следует,
всё со-бытует.

Духовная позиция и есть, возможно, всё «дело моей
жизни». Но ближним хочется чего-то *поощутимей*.

Бог позволяет жить *нараспев*.

Жизнь – бегство от свободы. Допустим. Но и свобода –
бегство от жизни.

Призванию своему поклоняются, как идолу. На этом и
попадают в ловушку.

Внутренне да спросят: «А что ты сделал?» И как-то
неловко ответить: «Ничего-с». Хоть дерьмо меси, да
делай что-нибудь!

Все политические и исторические события – лишь рябь на поверхности озера, в глубине которого обитает какая-то огромная неизвестная тварь. Лежит себе тихо, дремлет... но тварь эта и есть «самое главное», самое неперенное, без чего и «истории не бывать».

Отказ от рифмы в поэзии и от бороды на лице – явления одного порядка.

Непонимание – тоже способ мышления.

Сторонники мира – это непременно «борцы за мир», или «миролюбивые силы», или ещё что-нибудь воинственное.

Пик новой культуры будет связан с насилием.

Плохая память – спасение для памятливых.

Страсть человека – тот крючок, на который его без труда цепляют власть имущие. Бывают времена, когда нравственно «не хотеть» или хотя бы «мало хотеть», «почти не хотеть».

В любом мифе больше мудрости, чем во всём позитивизме!

Весь мир пропитан ненавистью, насилием, смертью. Почтайте их книги! Послушайте их речи! Загляните им в глаза! Ведь это ужасно, ужасно, ужасно...

Связать в один узел: зеркало и людоеда – и понять Европу.

Паранойя и шизофрения – две крайности речи:
в первом случае она сгущается и становится
непроницаемой для чужих голосов,
во втором – ослабевает, редет и пропускает
в себя чужое многоголосие.

В Европе столетия господствовала
параноидальная форма духовности.

Герои Толстого, в сущности, лишены сознания: у
Толстого оно есть, а у них нет. «Куклы на нитках».

Настоящий ницшеанец должен ненавидеть Ницше.

Узор интереснее истины.

Формы *современного* карнавала: азартные игры,
совместная пьянка, баня, «свальный грех»...

Порицая «бегство от действительности», что обычно
понимают под действительностью? Государство, город,
завод, работу... Но действительно ли это
действительность?

Вместо пары «истина–ложь» обратим внимание
на пару «узор–пятно».

Беременная Старуха – Смерть.

Берегись ума ясного, берегись ума мутного. Ищи ум
просветлённый, но затуманенный.

Смерть в праздник.

Святые сливаются в единую толпу, равноблизкую к
Богу. «Круги веры».

За описание и объяснение мира берутся те, кто даже
комнату не способен описать, в которой живёт, даже
муху, пролетевшую мимо...

Три норны – «весь германский дух»: Судьба,
Становление, Долг.

Талантливые сны.

XIII век – цветок Европы. После него – лишь «пышное
увяданье».

Эх, Россия, Россия!

Поэзия – «литература» дописьменного периода.
Проза – ответ на изобретение письменности.
Возможность восстанавливать текст по буквам
(а не по памяти) донельзя *расслабила* писателей.

История есть, но её может и не быть.

Мир *кусочен* и напоминает комнату с двумя дверями,
через которые входят и выходят какие-то люди, звери,
вещи... И жизнь кусочна. И человек.
И даже Бог кусочен...

Мои рассуждения – уже не наука, но ещё не фантазия.
Ни то, ни сё.

Чем жалеть чилийцев да греков, пожалейте себя!

Разговор – провокация собеседника на его
собственное мышление.

Лежал, лежал – встал. Ходил, ходил – лёг.
Лежал, лежал – встал. Ходил, ходил – лёг.
Лежал, лежал – встал...
(день жизни)

Говорят о свободе духа и читают
«Литературную газету»!
(мои современники)

Что смогу выговорить – другому достанется (и это
хорошо), что не смогу – моё будет (и это хорошо).
Прекрасно явленное, прекрасно и сокрытое.

Люди, по большей части, не добры и не злы;
они *нейтральны*.

Оставим немцам – Канта, грекам – Аристотеля,
а себе – философа *по душе*.

Называя человека «зверем» и «дикарём», обычно
имеют в виду те *сугубо человеческие* черты, о которых
ни зверь, ни дикарь не подозревают.

Жизнь без цели – тоже жизнь. Цель можно
рассматривать как христианский «предрассудок».

Странное сейчас время: оно торопится в ад.
И нас с собой торопит.

Вечность – постоянная мода.

Мир узловат. Нет верха и низа, есть только *узлы*.

Как муха в липкой бумаге, так я – в традиционном мышлении: и рад бы взлететь, да не могу, не могу...
увяз...

Зачем нам мораль, когда есть полиция?

Чужой народ подобен замкнутому на ключ дому:
дёргай – не дёргай, всё равно не откроешь! Вот и злость берёт, и зубы скрипят. Но если бы, имея ключ, ты открыл дверь и вошёл, то увидел бы: дом как дом...
стол, стул, кровать, картинка на стене...

Существует лишь атомы и пустота (Демокрит).
Вот он, «европейский герой».

Жить короткими перебежками.

Хочу так мыслить и писать, чтобы «и кухарка меня понимала».

Ирония обедняет человека, подменяя всё многообразие его реакций одной-единственной:
похикиванием.

Любовь к одному оправдывает безразличие ко всем.

Каждый жаждет кем-то *стать*, и почти нет тех, кто уже *есть*.

Судороги настоящего, которое строят на будущем.

Что важнее: понять Бога или быть понятым другими?
Первое: духовность; второе: культура.

Несчастный одинокий садист.

Американцы – тоже люди, но я в этом постоянно сомневаюсь.

У человека нет никаких прав (но он их придумывает),
у человека есть только обязанности
(но он их избегает).

Жизнь плоха уже тем, что может быть *ещё хуже*.

«Формовщик» общественного мнения (от эпохи к эпохе):
святой, священник, философ, писатель, журналист...

Время подёнок, подёнщиков, подонков...
(о современности)

Никаких жертв – ни ради личного блага, ни ради
общественного. Благо не стоит жертв.

Голый среди голых.

Казённую литературу невозможно читать без ухмылки.
У многих интеллигентов эта ухмылка навечно
приросла к лицу.

Есть *две* возможности. Только ли две?

Хорошо и посмеяться иногда, но смеяться всю жизнь –
это ли не помешательство?

Взгляни на небо: и тучи на нём, и облака, и звёзды,
и просинь, и мгла... Будь как небо.

«Россию надо подморозить». Душу тоже.

Большую часть своих творческих и нравственных
поступков человек, останься он в одиночестве,
не совершил бы.

Чтобы грозить Богу кулаком, надо Бога видеть.
(об атеистах)

Подлинный атеизм есть полнейшее пренебрежение
Богом.

Что первично? Всё то же: клетчатая скатерть,
дымящийся картофель, плетёное кресло...
Всё остальное – вторично, третично...

У языка есть свой язык.

Человек – муравей, обучившийся чтению.

Я напишу 2 000 слов, 20 000, 200 000 слов, напишу их
2 000 000, 20 000 000... и по-прежнему буду смертен
и не буду свободен.

Уверенность в неизбежности смерти позволяет
человеку жить спокойно, надёжно, убедительно...

Психология, психология, психология... Чрезмерный,
преизбыточный наплыв людской психологии.

Важно, оставаясь детьми, не быть по-детски
беспомощными.

Главнейший оплот *отцовства*: Ветхий Завет.

Не обязательно быть спасённым, достаточно быть с
Богом.

В прошлом веке умирал поэт – и вся поэзия *качалась*
и *кончалась*. Сейчас, кажется, всех советских поэтов
можно перестрелять – поэзия этого и не заметит.

Самое нужное, самое полезное, самое трудное, самое
грустное: признание в собственной *ординарности*.

Как радостно: нас ещё не убили!

Не знаю, дороже ли жизнь человека – жизни зверя... и
даже – жизни дерева...

Современная интеллигенция и её баррикады из
книжных шкафов.

Не в том дело, что «убийство неизбежно», а в том, на
что направлено сознание: *на* убийство или *от* него.

Стихи – камерный глазок в груди поэта, в который Бог
подглядывает за узницей-душой.

Византийский купол – обитель Эроса;
готический шпиль – Танатоса.

Смерть вошла в привычку.

И радостные игры горьки, а веселье жизни
преисполнено грусти и безнадёжности... и Бог
отворачивается виновато и бормочет:
«Ну ладно, ладно...»

Футуристы, несмотря на все свои декламации и
декларации, – совершенно беспомощные и склонные
к конформизму люди.

Человек думает о себе: трагик. Оказывается: комик.
«Опять не угадал».

Чудесно рождение гения, чудесны его труды...
но жизнь гения – далека от совершенства.

Я не хочу свободы. Я хочу Бога.

Как мало у человека возможностей!
И как хочется думать, что они всё-таки есть.

Существует ли *научная смелость*? Ведь учёный,
в сущности, существо трусливое, и весь его ум – не
иначе как от трусости. Так что если и набирается вдруг
смелости, то вовсе не от науки, а от чего-то другого.

И суха травинка, да сыта скотинка!
(о творчестве)

Злодей – тот, кто лишает нас последних
возможностей.

Чем спешить дальше – оглянись рядом.
(о сборе грибов, прогрессе, любви)

Странные всё-таки люди: Руссо, Толстой, Хемингуэй...

Человека увлекает к толпе самое простое желание:
прикоснуться. В самом прямом смысле: телом.

Профессия и положение наполняют человека такой
самоуверенностью, так его «раздувают», что он
совершенно забывает об их *защитном* происхождении.

Общественная иерархия – не столько лестница,
сколько скорлупа.

Как может увлечь будущее, которое не менее
структурно, чем настоящее? Стоит ли убивать
миллионы людей только для того, чтобы сменить одну
структуру – другой?

Довольно революций.

Существует лишь одна революция: революция
сознания. Других нет. Всё прочее – реакция и контр-
революции.

Мир – горсть пепла.

В политике слишком много от детектива: какие-то
Богом забытые страны оказываются в центре

общественного внимания, потому что там началась война (и появились свежие трупы). Интерес к политике не в последнюю очередь обусловлен этими трупами.

В каждом американце – что-то от Хемингуэя.

Когда грудь сдавлена обручами и прошита клёпками, даже самая нежная ласка подобна «шипцу острому».

Многое невыносимо в этом мире, но как вынести 60 миллионов людей, убитых *соотечественниками*?!

Костюм – единственный гарант устойчивости в мире, лишённом смысла (в мире без Бога). Определяя смысл жизни и сущность личности, он оказывается «сильнее смерти» и требует к себе самого серьёзного, *кровного* отношения.

Готов проклясть этот мир... но чего стоят мои проклятья, если я и сам проклят вместе с ним?

Для выявления национального духа очень полезно обратить внимание на простые и каждодневные вещи: детские игрушки, интерьер двора, кухонную утварь...

Могу признать силу в человеке только после его признания в полном бессилии.

Русский народ подобен навозу: тёмный, да тёплый. Та же неподвижность, и грязь, и вонь, и доброта...

Европеец учителствует не столько потому, что «ребёнка надо научить», а потому, что при этом «лицо важное имеет», а то и «розги можно применить».

После отмены в школе розог мужчины идут туда неохотно. Перебрались – кто в армию, кто в тайную полицию (там розги дозволены), а школу оставили женщинам.

Евангелие пропитано патологией, имя которой – дух.

Человек жаждет побеждать. А если сам не может, то хотя бы: примкнуть к победителю. И в этом – поражение человека.

И камень жалко.

Кто такие римляне, в конце концов? Солдафоны и театралы.

Были домовые, были лешие, были русалки, были всякие-разные духи и демоны... но, обиженные человеком, ушли, пропали, не попадаются больше на глаза.

Буржуа, съедаемый завистью к аристократу, взялся ему доказать, что «и он не хуже»: если не положением, то личными заслугами, трудом, деньгами.

Поменьше думай о дьяволе и Фрейде.

Слово – маска мысли; в слове мысль теряет присущую ей живость, мимику, запах... зато приобретает отчётливость.

С одной стороны, нам хочется органичности, с другой – многообразия. Но совместимо ли одно с другим? Не обречены ли мы *лишь на одно*?

Отношение римлян к грекам напоминает отношение европейцев к евреям: и уважение, и неприязнь, и зависть, и ненависть.

Возрадуемся не нашей добродетели, но нашей жизни.

По смерти человек обратится в навоз, а большинство из нас – и при жизни таковы. И вот навоз этот борется, страдает, полагает себя «перлом создания»...

Есть слова, которыми пестрят мои записи (человек, европеец, вера, Бог, я, женщина), а есть – ни разу в них не попавшие (кожура, провод, овсянка, мерзлота, плот). А почему бы не построить на этих словах философию? Чем они хуже?

Чтобы не забыть о замысле,
надо довести его до крайности.
(мнемоника, экстремизм)

Евнух – эссенция ближневосточной тирании: один мужчина настолько возвышается над другими, что заставляет их служить себе в *не-мужском* обличии. Не в этом ли сокровенный смысл *любой* тирании: всех женщин упрятать в гарем, всех мужчин превратить в евнухов?

Убедившись в том, что моральный прогресс человечества «не имеет места», стали с гордостью говорить о прогрессе научно-техническом. Но какое нам до него дело?

Человечество ходит пятками вперёд.

Сильная боль (как и глубокое наслаждение) настолько
заполняет собой человека, что *полностью* отрезает его
от мира.

Там, где индусу достаточно дыхания,
европейцу нужна по меньшей мере ходьба.

Образ литературного (и прочего) творчества: изгнание
бесов из человека, вселение их в свиней.

Как стон, не унимая боли, облегчает её, так и
искусство, не снимая тяжести жизни, дарит человеку
роздых.

Бедная природа! Дети твои так и норовят заглянуть
тебе под юбку, стащить платье, содрать кожу,
истолочь кости...

Пишу не для «истины», а просто «мысль пришла».

Захотелось поделиться мыслью с приятелем.
Играем же мы вместе в карты – почему бы не поиграть
в мысли?

Город (государство) берёт все заботы о горожанах на
себя, превращая их тем самым в беспомощных детей.

Когда люди молятся, они хоть не сражаются.

Жена в семье – словно храм в переулке: никак не
отойти, чтобы полюбоваться издали.

Экзистенциализм – философия вопросительного знака.

Неспособный *выбрать* себе подходящее окружение,
русский всегда готов *изменить* его.

Вся история России такова: князья-варяги, крещение
из-под кнута, Жёлтая Орда, безумный Иван,
Пётр-самодур, немцы-управители, Красная Орда...
И единственное *светлое пятно*: масленица.

Массовая наука подобна чиновничеству: выполни то-то
и то-то (как велит начальство и инструкция) и получишь
то-то и то-то (кресты, повышение).

Революция сделала Россию границей самой себе.

Два основных занятия героев Достоевского: чаепитие
и самоубийство.

Во сне мерещится рука, сжимающая горло, но стоит
проснуться – и она уже не мерещится, она есть на
самом деле: рука, сжимающая горло.
(о государстве)

Настолько привык к *осадному положению*, что
останусь в нём и после снятия осады.

Память подобна тайнику, в котором мы временами,
уединившись от любимой, перебираем незнакомые ей
лица, имена, события...

Освещённая заходящим солнцем обнажённая девушка
в окне. Такое вот и запоминается. На всю жизнь,
до самой смерти.

Как важно быть любимым!

Не исключено, что все «talанты-самоучки» и «народные самородки» были внебрачными детьми всё тех же аристократов. Глупая мысль, да и статистика не подтверждает... а всё-таки!

Различия между мужчиной и женщиной относятся скорее к культурной сфере, чем к биологической. Вполне возможно, что пол – *культурный феномен*.

Записи мои – не обо мне: в себе я себя не вижу, не нахожу.

Загнанный зверь становится бешеным.

Книги ничему меня не научили, жизнь тоже. Последняя надежда: «своя душа».

Вера предшествует существованию.

Взгляд обманывает, прошлое обижает: сколько надо смелости, чтобы сказать жене правду о любовнице, себе – о жене.

В жизни мы бегаем по кругу, и самый отставший нередко оказывается впереди всех.

Вера столь же естественна и насущна, как «есть хочу». Почему же «есть хочу» принимается как должное и не подвергается критике, а «верить хочу» вызывает усмешку и требует обоснований?

И мысль, и чувства – не мои, а лишь проходят *через* меня. Нет «моего»: всё «через» и ничего «моё».

Не личность важна, а *борьба* за неё. Следствие такой борьбы: концентрация духа, а что это такое, как не личность?

Однообразие торжественно, чинно, солидно.

Личность – одна из уловок духа, позволяющая ему «собраться».

Цель могу себе поставить, а достигать не буду: пусть достигает меня сама. В этом моё *женское*: сам не ищу, но отдаться готов. И очень капризное женское: отдамся, да не всякому, более того: почти никому.

Мы обижаем женщину, не познав её, и остаёмся перед ней *в вечном долгу*.

Как хочется устроить винегрет: смешать высокое и низкое, умное и глупое, новое и старое, голову и задницу! Никаких различий: всё важно, всё! И всё преисполнено двусмысленного смеха и плача.

Прекрасны: совместное горе, совместное наслаждение. Но они и невозможны.

Даже в момент наибольшего наполнения я совершенно исчерпан.

Истинная фантазия непоколебима.

Расширение пространства за счёт введения новых размерностей не добавляет к нему ничего существенно нового. А вот *ось глубины* (она же *ось*

времени), обнаруживаемая в зеркале, нова по существу:
ось устремления, недостижимости, видимого неведения.

Явленное меня не убеждает, и самое убедительное –
то, чего нет.

В музыке я открыл образ своего несчастья.
И, поняв это, перестал слушать музыку.

В чужом сознании скрывается угроза: желание
«закрючить», «привязать», подчинить.

Европейская сексология сверху донизу пропитана
медициной и гимнастикой, ни грамма поэзии,
ничего живого...

Бог – вершина, но Он не вверху.

Смерть подобна чуду: внезапна и неожиданна.
Горькое, но всё же чудо: жил человек,
жил – и вдруг умер.

Брак – путь к разводу.

Скрывай свои мысли, чтобы любимая не плакала.

Образцы культурных пошлостей: В жилах Ницше текла
славянская кровь... Талантливый Веневитинов умер
в 21 год... и т. д.

Перевод не должен быть точным. Более того, он не
должен быть достоверным.

Вечное, вечное, вечное: не то, не то, не то...

Вся греческая мифология: кто с кем
(сражается, совокупляется).

В многоруких и многоголовых индийских богах указано
не столько движение мира, сколько его
принципиальная «многотелость».

Тупик – не только то, к чему ты пришёл, но и то,
от чего можешь уйти.

Или любишь для наслаждения – и тогда извращений
нет и быть не может; или для рождения ребёнка –
и тогда следует стать аскетом.

Мужчина – мыслящий тростник, женщина – сахарный.

Искусство любви достигается с думой о живом,
с думой о Боге. Сквозь любовь просвечивают боги
и богини...

Моё воображение – доносящиеся до меня чужие голоса.

Писание дарит спокойствие. Писание – островок
безопасности. И не в написанном дело, а в самом
письме (перо в руке, знакомые буквы, строки слов).

Любовь ведёт к браку, брак – к разводу,
развод – к любви.

Гляжу внутрь себя и ничего не вижу.

В наше время женщина ездит на трамвае и,
следовательно, не может быть «гордой»,
«величественной», «светской»...

От русского народа слишком многого ожидали. И зря.
Привели Ивана на трибуну, молчат, ждут, что скажет.
А он постоял, постоял, потом высморкался, махнул
шапкой – и довольный пошёл домой.

Музыку рождает тишина, а не звучание.

Словом снимается желание. В этом – *сила* слова.

Стоит ли бояться одиночества? Разве не сулит оно нам
покой и тишину, созерцание и понимание?

Что видишь один, вдвоём уже не увидишь. Что
делаешь вдвоём, один уже не сделаешь.

Бесстрашие характеризует начальную стадию
культуры; для цивилизации характерна трусость.

Когда Бог перестаёт быть проблемой, проблемой
становится *всё*.

Моя жизнь есть непрерывное, безостановочное
редактирование жизни: то зачёркиваю прожитое и
вписываю новых людей и события, то возвращаюсь к
первоначальному тексту. Вся жизнь – лишь черновик:
текст вымаран, варианты перечёркнуты, сверху и сбоку
лица и слова... и ничего не разобрать: ни цели, ни
смысла, ни результата... Один измаранный черновик.

Всеми своими «достижениями» я обязан плохой
памяти.

И с женой жить – словно без жены.
(об истоках поэзии)

Корни в пустоте.

Греческий рок явно придуман переводчиками.

О чём я снова и снова? О чём я без конца?
О Западе и Востоке, о мужчине и женщине,
о жизни и смерти... Вот и все темы.

Я привязан к миру и людям не более, чем колючка
репейника к овце, за которую зацепилась.

1973–1974

П У Н К Т И Р Ы

отрывки из 7-й тетради

Творчество напоминает мне
бритьё холодной водой в отступающей армии:
«сосредоточенность среди хаоса».

Жизнь есть ожидание красивой мелодии.

Вокруг себя вижу поколение, лишённое выносливости.
И это в то время, когда современность и означает:
испытание на выносливость.

Не верю, чтобы красота могла оказаться *всеобщим*
спасителем, потому что она — «луч света в тёмном
царстве» и подразумевает немногочисленность к ней
причастных.

Физики бегут в парапсихологию, как селяне — в город.
Но и ведут себя в парапсихологии соответственно —
как селяне в городе.

Как можно меньше бесконечностей! И если уж оставить одну, то «самую крошечную», «самую не приметную».

Культура, утратившая понимание аскетики, столь же неустойчива и опасна, как и культура, создаваемая *исключительно* на аскетике.

Жизнь – какая-то странная, *срединная* игра, в которой одинаково неверными оказываются и самые сильные, и самые слабые ходы.

Большая часть литературы пишется из злости. Ну, не *большая*, конечно, – меньшая... и всё-таки...

Допустим, человек способен воспарить над обыденностью, но означает ли это его приближение к Богу? Странно думать, что *любой* отрыв от мира сего приближает к миру Божественному. Ведь и упавший в колодец не обязательно приближается к звёздам.

Парадокс – изнанка ортодоксии.

Нас пугают чёрными бесами и ободряют белыми ангелами. А почему так мало говорят об оранжевом цвете, о зелёном, фиолетовом?

Кувшин разбился. Есть о чём задуматься: можно ли склеить? будет ли прежним звук? Но вот иной подход: на осколках кувшина выращивать цветы. Не таково ли искусство?

Хор оракулов.

Моралисты – то цензоры, то судейские, то тюремщики, а то и палачи! Их главное слово: нельзя! А ведь человек живёт тем, что *можно*. Не отсюда ли всеобщая неприязнь к моралистам?

Ради «единственной истины» погибает *слишком* много людей.

Всё чаще слышу: разум мешает человеку. Но как мешает: сам по себе или по нашей неспособности с ним управиться? Как тяжёлая ноша или как ноги – пьяному?

Покуда знаю лишь одно: свобода *труднее* неволи.

Реально помочь можно лишь тому, кто лишён таланта; имеющий его – поможет себе сам. Но что за интерес помогать тому, кто лишён таланта?

«Не спугивай птиц с деревьев!» Прекрасные слова. Прекрасен тот, кто их произнёс. Прекрасен тот, кто их услышал. Прекрасны птицы, которых никто не спугивает с деревьев.

История пишется обычно как история *результатов*, а значит – как результативная история. Если и упоминаются порой «заблуждения» и «неудачи», то лишь на фоне общих достижений. А почему бы не написать «Всеобщую историю неудач»?

«Исходя из природы человека...» Но какова она, эта природа?

Лучший способ избавить человека от старых привязанностей: дать ему новые возможности.

Сколь часты и неперемённы в русской литературе
выход из дома в сад и возвращение
из сада в дом!

Кто-то из знакомых сказал со значительным лицом:
«Творчество – моя молитва». Я возразил ему в уме:
«Молитва – моё творчество». Но сколь напыщенно и
неверно прозвучали и его слова, и мои...

Раскованность и неприкаянность.

Есть тепло очага и тепло пепелища; большинству из
нас знакомо только второе.

Муж и жена – словно щепочки на воде.
Люди тонут, корабли переворачиваются,
а они всё плывут и плывут.

Зрелость связана не столько с умением быть щедрым,
сколько с *искусством* быть скупым.

Опытный политик должен знать людей, а они его – нет.

Теперь меня цвет ангельских крыльев (белые или
красные) волнует куда больше, чем некогда теорема
Гёделя о неполноте.

Кому интересно, жив я или мёртв?

Огромная разница: знать, что существуют *законы*
человеческой жизни, и знать, что есть *люди*, которым
они известны.

От молчания – к косноязычию... от косноязычия – к
«ангельским голосам»... от «ангельских голосов» –
снова к молчанию...

Очередь – точная и краткая характеристика
современного общества. Всё будет дано каждому – в
свое время, «за выслугу лет», только жди терпеливо и
не покидай очереди.

Литература спасает нас от крайностей философии.

Здравый смысл – замедленный парадокс; интуиция –
внезапное общее место.

Ах, блаженный Августин, всё прошло, прошло!

Вина Иуды – в том, что он пошёл к Каиафе, вместо
того чтобы «умыть руки».

Эпоха *устойчивости* наступает тогда, когда детей и
взрослых учат одному и тому же. Кажется, мы живём
как раз в такую эпоху.

Когда случайности преобладают, не следует придавать
им особого значения.

Основа доброжелательности: уметь радоваться
другому, как самому себе (не меньше и не больше).

Разговор уже не вызывает во мне былого азарта. Не
потому ли, что «исчерпал себя нравственно»?

Нет – не ищущу, есть – не отвергаю.
(моя психология)

Почти все знакомые мне супружеские пары – глубоко несчастны. Удивительно, но так.

За моральную стойкость в наше время приходится расплачиваться язвой желудка. Былое возмездие за грехи превратилось в расплату за нравственность.

Россия – татарская прививка на византийском теле.

Грустно, невероятно грустно разбирать старые, многолетней давности, бумаги, письма, записные книжки. Неужели само *время* передаёт свою грусть всякому, кто ступит на его следы?

Моток сознания.

Изо дня в день запертые в одной комнате, муж и жена становятся *слишком* доступными друг для друга. Как недостаёт им тех недолгих разлук, которые пружиной бросают любимого к любимой!

Обычно становлюсь на сторону слабейшего: для восстановления равновесия, для предупреждения «космической паранойи».

Сонливость – средство от несчастья.

Есть что-то на удивление неблагодарное и неблагодарное в обучении других людей (даже детей). По мне, так лучше быть клоуном, чем педагогом, достойнее удивлять, чем убеждать.

Вполне возможно, что терпение – одна из форм вымогательства, причём самая утончённая. Когда уговоры не помогают, остаётся просто «сидеть и ждать». Не такова ли и святость?

Протестующий часто оказывается героем,
но редко – мудрецом.

Всякое упорство и настойчивость могут стать (и обычно становятся) поводом для иронии и карикатуры. Но существует та *высшая* степень упорства, которая разламывает все рамки осмеяния и вызывает разве что страх и благоговение.

Мы *ничего* не боимся, но и нас *никто* не боится.

Для одних: история – дом; для других: дом – история.

Отточенность стиля нередко возникает из желания корректно подсказать о своей неприязни.

Цель – ничто, движение – тем более.

Этот человек не может быть хорошим – он упорно не даёт другим спать!

Возникнув как *сексуальная приманка*, красота со временем обрела самостоятельность и стала оказывать на секс обратное воздействие: находятся, например, люди, которые находят секс «эстетически непривлекательным».

Как просеки, не имея ничего общего с лесом, позволяют в нём не заблудиться, так и теории, «не имея ничего общего с миром», помогают в нём ориентироваться.

У меня превосходная память: она ничего не запоминает.

Провинциальное пифагорейство Хлебникова.

Как вдох и выдох, чередуются в человеке тяга к свободе и рабству, к любви и ненависти, к Богу и дьяволу, к жизни и смерти. Вдох-выдох... вдох-выдох...
Дышите! Не дышите! Дышите!

Питающий подлинную неприязнь к болтовне замечает её не только в чужих разговорах, но и в собственных мыслях.

Современная цивилизация достигла, как это ни прискорбно, нового рубежа цельности: она научилась создавать мифы из повседневного опыта.

Сломались небеса.

На все философские и религиозные теории я смотрю, так сказать, с *военной* точки зрения: как можно меньше убитых и раненых при поддержании максимального уровня духа армии и её боеготовности.

Всё, что ни делалось на Руси, делалось, в самом прямом смысле, из-под палки.

Утрата веры в связность мира приводит литератора к диалогу и драматургии. Этим путём шли Чехов, Введенский, Беккет, Ионеско... Повествовательный текст «естественным образом» поддерживает связность; драматургический – её разрывает.

Я редко касаюсь *тёмной*, материнской основы мира, зато с поистине эдиповым темпераментом обрушиваюсь на его светлые, смысло-образующие элементы. Мать – едина, отцов – много, который же из них *мой*? Как обескураживает меня эта *космическая полиандрия!*

О том же – другими словами.
(проблема понимания)

Не использую ли я свою лень для сокрытия внутреннего беспокойства?

Блеск защищает от нападения: слепит противника, не даёт ему тебя видеть. Таков «блеск» афоризмов. Как яркий свет, так и полная темнота помогают укрыться от надоедливых взглядов.

Это у датчан-мореплавателей: «или-или», а у русских лесных жителей: «и-и».

ПУНКТИРЫ

отрывки из 8-й тетради

Одни мысли подобны растущим деревьям, другие –
убегающим в глубину колодцам, третьи – обглоданным
костям. Но есть мысли – словно прохладные белые
ладони из темноты... прикоснутся к горячей щеке – и
исчезнут. Всегда внезапно, всегда неожиданно:
появятся, прикоснутся, исчезнут.

Насколько полно и достоверно просвечивает в
окружающих нас мелочах и частностях общий дух
эпохи! Как красноречивы асфальт, «дневное»
освещение, крупноблочные дома...

Мысль ходит по кругу, человек ходит по кругу... Даже
круг ходит по кругу.

Любителей громкой музыки следует подвешивать на
креслах внутри органа.

Нынче человек весь, целиком, вынесен на сцену,
равномерно залитую светом всеобщей

осведомлённости и дознания, и превращён в
совершенно неинтересную плоскую поверхность.

Часы моей жизни заперты в шкафу и хрипло тикают
оттуда.

Душа подобна беглым светотеням на воде.
Мало ли это? Не знаю.

Наша эпоха, наше время... Чьё это «наше»?

Посадили на яйцо и велели высидивать, а чьё яйцо, не
сказали, и что из него высидится – тоже неизвестно.
Может быть, воробей, а может, страус.
А может, оно пустое.
(моя жизнь)

Как интересны малые дети! А вырастут: чиновники,
офицеры, инженеры... В чём дело? Кто виноват?

Действие бессловесно, но разве менее выразительно,
чем слово?

Духовные люди нередко наделены нелепым чувством
превосходства над «недуховными». Неужели тот или
иной добавок способен что-нибудь изменить в
абсолютном ничтожестве человека?

И до сих пор не устали от этой бесконечной лестницы с
надставными ступенями!
(о прогрессе)

Современной духовности более всего угрожает
стилизация.

Весь день ходят вокруг то хромые, то женщины с узлами и чемоданами, то старики с младенцами на руках. Каждый день по-своему: хромые, с чемоданами, с младенцами...

Зеркало – основа западной цивилизации.

Всё говорят: цельность души, концентрация духа...
А ведь и рассеянность – ничуть не хуже.
И даже по-своему замечательна:
непосредственна, неожиданна.

Форму придумали греки.

Человек – социальное животное, и в силу этого – животное опасное. Его личные безумия то и дело превращаются в общественные, и тогда нет нам от них спасения!

Осязание – непосредственное прикосновение, жизнь без памяти, постоянная новизна открытия. Зрение и слух, опережая человека, допускают подделки и мистификации.

Бог – есть Бог *ускользающий*, Бог-Скользкая-Пята.

Боюсь ли я смерти? Не знаю. Если и боюсь, то как боются зубной боли: нет – не думаю о ней, есть – тихо вою.

Призраки, которых испугались в детстве, преследуют всю жизнь.

Я недвижим, душа моя недвижна и лишь «пухнет». Вот это *вспухание* души и есть моя устремлённость к Богу.

Жизнь – не путь, а дыхание, и не странник человек, а дерево.

Пространственный мир «объединяет» людей, играя роль основы общего языка. А как построить общий язык, исходя из *внутреннего* ощущения?

Почему нас так волнует общий язык? Почему нас волнуют *другие*? В чём суть и пафос взаимопонимания? Действительно ли оно необходимо?

Будет культ, будет и культура. И церковь всегда будет выше музея.

Судьбы А. Бенуа и Н. Рериха показательны как эпигонско-эмигрантское завершение раскола русской мысли на западную и восточную.

Женская духовность едина и неделима, мужская ищет удвоения. А ведь, казалось бы, наоборот: ребёнок в чреве женщины – голос *другого мира*. Или всё начиналось со снов и первым их увидел мужчина?

Можно ли построить культуру без религии? Или без религии ей будет «чего-то» не хватать? Возможна ли подлинно глубокая и духовная *светская* культура?

На одной фотографии: Толстой и Чехов. Толстой-генерал рубит ладонью по воздуху, вещая какую-то истину, а Чехов спокойно сидит в кресле и слушает.

В миссионере есть что-то от Нарцисса:
самовлюблённый, он желает увидеть себя повсюду,
«во всех зеркалах».

Тщеславие – одно из проявлений нарциссизма: жажда
обнаружить себя в эхе чужих слов.

Ощущение цвета, как ни странно, даёт не столько глаз,
сколько ухо. В некотором смысле цвет – это зримый
музыкальный момент.

Огромный пустой зал, без стен, без зеркал,
без эха – и точка-человек в нём.
(о современности)

Отношение философа к жизни подобно отношению
критика к литературе и евнуха к женщине: *досконально*
знают свой предмет, но на него «не способны».

Таким авторам, как Роллан или Рерих, всякое слово
берущим с заглавной буквы, нет языка лучше
немецкого.

Отважимся на жизнь *без биографии.*

Толстой, в отличие от Достоевского, совершенно не
удался как пророк. Пророк умеет слушать себя
(прислушиваться), Толстой лишь созерцал свои
выдумки.

Страсть человека фотографироваться многое в нём
объясняет. Очень любили фотографироваться:
Толстой, Маяковский, Сталин, Бунин, Горький...

Стоит студенту учуять в себе «духовность», как он принимается за изучение философов. Кого же он изучает? Немцев. В лучшем случае – греков. И вместо того, чтобы познавать себя, познаёт немецких и греческих философов.

Лучше совершать собственные ошибки, чем повторять чужие. Лучше заниматься русской литературой, чем немецкой филологией.

Природа мстит людям руками людей.
(об Эйнштейне)

Почему пророчество сродни трагедии? Не потому ли, что оба порождены «слухом»?

Чинопочитание немцев отпечаталось даже в грамматике: все существительные – с заглавной буквы.

Ощупывая себя, пророк ощупывает человеческий состав и судьбы; Нарцисс же созерцает в зеркале своё отражение – и только!

Привыкли думать, что спасение где-то далеко: за границей, при коммунизме, в раю... А ведь оно – здесь, рядом, на расстоянии дыхания.

Обычный порядок вещей: человек живёт, работает, любит, творит... и наконец приходит к мысли о бессмысленности своего существования. Но возможен и *обратный ход*: осознав универсальность абсурда, начать творить, любить, работать, жить...

Огонь лучше всего хранить в золе.

Человек подобен безумному строителю, который всю жизнь ремонтирует дом, а сам в нём не живёт.

Господь простит! Впрочем, и прощать особенно нечего.

Хочу стать деревом.

Книга – одна из форм воли к власти (эпидемическое подчинение читателя). Русские, полагаю, могут без книги обойтись.

Свиньи полезли в господа и сожрали господ,
а сами так и остались свиньями.
(о демократии)

Бог незыблем и отпадает от нас лишь по причине скользкого пути к Нему да наших шатких ног.

Записи мои подобны естественной нужде:
как приспичит – сажусь за тетрадь.
Розанов говорил о литературе: мои штаны.
Я скажу: мой горшок.

Ах, какой мог выйти военный!
(о Ницше)

Христианство куда более остроумное средство для сверхчеловека, чем ницшеанство: призывая людей к смирению, христианство расчищает дорогу и пашню для призванных к господству.

Европейца легче подловить опровержением, чем доводом: ходить пятками вперёд ему сподручней.

Глядя на дом с улицы, разве догадаешься,
что в нём происходит?
(об истории и археологии)

Чего во мне больше всего? Слов.
Язык – самая деятельная часть моего тела.
И если я когда-нибудь превращусь в дерево,
это будет *говорящее* дерево.

Что ни немец, то миссионер или военачальник: Лютер,
Фридрих, Бисмарк, Ницше, Швейцер, Гитлер...

Дело не в том, мала ли причина, а в том,
велико ли следствие.

Слово рождается у меня «от безделья»: не мысль
творит слово, а безделье.

Жёсткий политический режим – превосходная
литературная цензура: всё дерьмо всплывает, а вещи
подлинные остаются на дне.

Нет ничего противоестественнее «культурной толпы».

Современность подобна белому кафелю в ванной
комнате: всё тускло в нём отражается, ничего не
прилипает, всё чисто и по-больничному стерильно...

В музыке Вагнера господствует духовой оркестр.

Чтобы обмануть людей, надо убедить их в своей
честности.
(о Толстом)

Человек настолько человек, насколько он способен на
самоубийство.

В чём опасность остроумия? В том, что твои остроты
будут повторять «на всех углах». Лучше уж быть
тугодумом.

Если Бог даст мне веру, я её приму, но с радостью ли?
Неверие тяжело, но оно – *моё*, привычное,
выстраданное. Жалко расставаться.

Петербург – явление не географическое, и не
политическое, и не социальное, и даже не
психологическое. Петербург – явление
психиатрическое.

Какое нынче подполье? Чуть расслабишь галстук – и
всё подполье...

Идиотизм одного человека может оказаться
гениальностью; идиотизм миллионов навсегда им и
останется.

Ницше, как психологический тип, удивительно похож
на Толстого; Руссо – на Достоевского. А казалось бы,
«совсем разные люди».

В каждой квартире – голубой огонёк инквизиции.
(о телевидении)

Что такое мои мысли? Сплетни души,
«душесплетения»... И постоянное ощущение,
что «чего-то» не хватает.

Удивительнейшая способность человека: свои
поражения выдавать за победы.

Глаза мои беспамятны: я забываю «прекрасные лики
мира сего», хотя и помню, что они являлись мне
порой... когда? где? в каком облике?

Мы несчастны – нас убивают против нашей воли.
Мы несчастны – у нас нет сил защищаться.
Мы несчастны – мы знаем о своём несчастье.

Когда-то искусство выражало душу Бога, потом – душу
человека, наконец – душу машины.
Бесконечные вариации на тему «прежде и теперь».

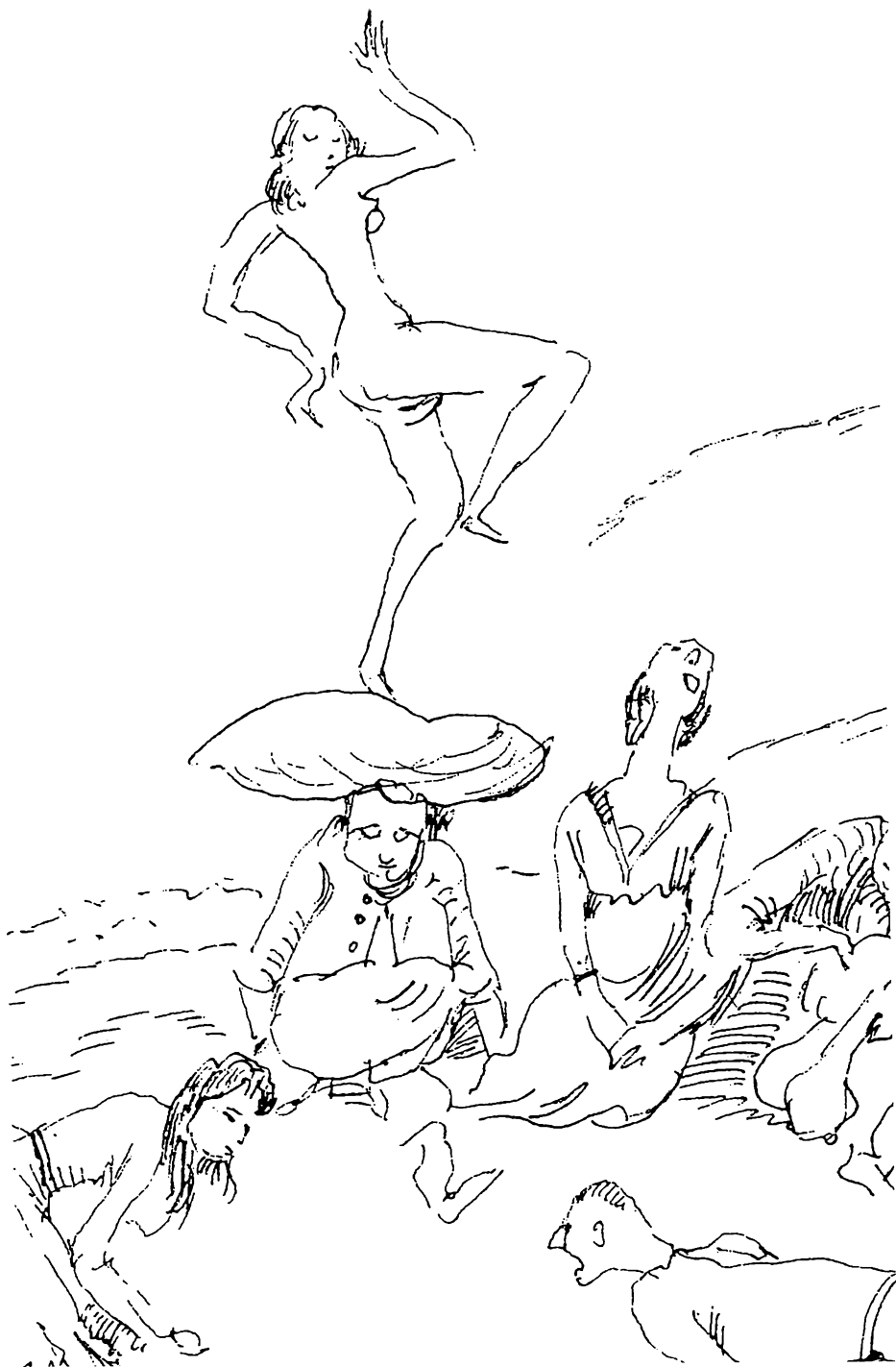
Мало званых, да много избранных.
(нищезанство)

Европеец – путник. Всё для него путь, движение,
развитие, устремление... Настоящая мания.

Мир окрысился на человека, человек – на мир.

В футуризме гораздо больше соглашательства,
чем бунта; подчинения, чем независимости;
позы, чем смысла.

Уподобим дух дереву: пусть растёт, но не движется.

Возможно, люди и не болтливы. Однако они всегда говорят: не то, что надо; не там, где надо; не тому, кому надо.

Духовность есть способность человека Ничто обращать в Нечто (и наоборот).

Оплакивают бедность, смерть близких, уход любимой... а почему не оплакивают своё безбожие?

Сократ приучил нас к болтовне.

Если вокруг одна пустыня, то не всё ли равно: идти или стоять на месте?

Греческая симметрия замкнута и пластически воплощена в однофигурной статуе; образ её – шар. Совсем иное индийская скульптура: разомкнутые, танцующие, соседствующие тела; образ её – дерево.

Что такое человек? Что такое Бог?
В чём разница между ними?

Творчество писателя нередко является описанием своего невроза и попыткой его излечения.
Казалось бы, какое до этого дело читателю?
Оказывается, есть: неврозы-то *общие!*

Не знаю, зачем жить. Но и не знаю, зачем не жить.
«Буриданов осёл».

И вдруг пустота обретает глубину и заполняется тенями и голосами.

Я не лучше камня, но и не хуже Бога. Более того:
я хуже камня и лучше Бога.

Жить без вины – значит: покинуть пределы западного общества, построенного на ощущении виновности.

Тряпичная кукла приучает ребёнка даже в неживом видеть живое. Механическая игрушка, напротив, и с живым учит обращаться как с мёртвым.

Начало не знает конца, как корни не знают листьев.
Неужели не знают?

Людей *ровно столько*, сколько любимых; все остальные – фигуры.

Камень, Бог, человек – явления одного порядка.

Не понимаю: ценны ли мои мысли? Без читателя кажется: «бред», «голоса»; с читателем – «мало ли что он сказал!»

Море глубокое, но и в нём плаваешь лишь поверху.
«Недостижимая глубина».

Я не свидетельствую о Боге, я лишь *догадываюсь* о Нём.

Бывают времена, когда *лень* оказывается положительным качеством.

Афины мало чему научили Европу, зато успех Спарты здесь несомненен.

Всадник, сорвавшись на полном ходу с лошади, летит
в воздухе и падает на землю. Говорят:
мечта опережает реальность.

Полезно иногда поглядеть на себя со стороны затылка.

Традиционный режим видит в пассивности сограждан
лояльность; тоталитарный усматривает в их
пассивности – оппозицию.

Мозг дан человеку для того, чтобы думать о своём
несчастье.

С постройкой первого дома началась *частная* жизнь.
Каин – первый индивидуалист.

Поступки богаче мыслей: они сопровождаются
непредвиденным.

На смену «лестнице» вновь приходит «кольцо».

Есть слова, которые – если уж не избежать
публичности – следует писать *бесцветными* чернилами.

Если людям не дано понять друг друга,
пусть друг друга любят.

Слова порождают время, и они же убивают его.
А музыка?

Ребёнок играет в те игры, которые любит; взрослый
любит те игры, в которые играет.

Не есть ли тяга к абсолютному – лишь одна из
человеческих условностей?

Отчего в Европе к Богу тянется в первую очередь
несчастный? Отчего европеец ищет в Боге утешителя?
Отчего не ищет Бога человек счастливый? Неужели
дефицит – sine qua non веры?

Телевидение разрушает дом.

От Парфенона до крупноблочных домов не так далеко,
как может показаться. Иное дело: индийские или
готические храмы.

Прежде культура была кожей, стала одеждой.

Души у меня, возможно, нет... а вот боль есть.
Или душа это и есть боль?

«Долг» каждого интеллигента: иметь своё мнение о
Платоне, Шекспире и Достоевском.

Не я – в Боге, а Бог – через меня, и плач Его без меня
есть плач предсмертный, а мой плач без Него – плач
бездетный.

Помимо болтливости языка существует болтливость
духа.

В наше время напрочь разучились говорить: или
молчат, или спорят.

Принято выдавать борьбу (противоположностей, классов) за «необходимость», а по мне, так лучше бы просто признались: *нравится* (война, дуэль, полемика).

Словно сосна: корни кривые, ствол прямой.

Есть крепости, которые не следует брать ни штурмом, ни осадой. Лучше обойти их стороной – и они падут сами по себе!

Пусть человек зол и вообще паук, но когда один – даже интересно. А если пауков – сотни, тысячи, миллионы... толпящихся, давящих, пожирающих друг друга?

В 2010 году падёт Российская империя.

Слово – одежда авторитарности.

Куда вода течёт, туда и земля клонится.

Как мать без дитяти, так я – без Бога: душа моя без Него тверда и бесплодна, а любви моей не на кого излиться.

Реальность современного человека – реальность абсолютного бесправия. Живущий может радоваться тому, что жив; идущий по улице – тому, что не сидит в тюрьме или в сумасшедшем доме.

Зло подобно чуме: борьба с ним обрекает на заражение.

Слово вредно; ещё вреднее многоязычие.

Отношение европейца к Богу напоминает отношение голодного к еде: пока голоден – ест, когда насытится – пренебрегает.

Молчание учит правильной речи.

Концлагерь – логическое завершение идеи массового воспитания.

Почему у меня слово *невесёлое*? И лицо весёлое, и душа... а вот слово невесёлое.

Человек – Божья неудача.

История этой страны – её тайный порок, который она скрывает даже от себя.

Православие не случайно пыталось заменить Бога-Отца (и даже Христа) – Богородицей и святыми.

В пределах каждого национального духа существуют его «мужская» и «женская» разновидности.

Локти противоречий.

Чувство и жест – основа всякого искусства. В равной мере опасно как пренебрегать ими, так и их преувеличивать.

Лишённый вдохновения проповедник вдохновения.
(о себе)

Свобода перемещения стала ценностью лишь в Новое время. В Средние века к ней относились довольно безразлично.

Допустим, звёзды можно зарабатывать ослиным трудом – и никак иначе. Что, в таком случае, лучше: остаться без звёзд или превратиться в осла?

Протестантство – *марфианская* ересь.

На определённой стадии духовности человек отказывается не только от деятельности, но и от созерцания.

Разговор европейцев – не диалог, а два монолога.

Мой путь не мечен следами. Значит ли это, что его не было? Пожалуй, что и не было.

Пусть лучше один голос говорит о разном,
чем разные голоса – об одном и том же.
(о радио)

Действительность – лишь *одна из сфер* человеческой духовности.

Европу погубило многословие – сначала Гомера, затем Сократа. Отвратив от себя музыку, оно подменило её словом. Даже перевод Евангелия намеренно неточен: В начале было *Слово*...

Человек – мелкая рыбёшка, которую со всех сторон улавливают сети всевозможных организаций

(государство, армия, партия, оппозиция, церковь и т. д.). Наше время – время организованной охоты на человека.

Хихикающие скептики не менее утомительны, чем хихикающие девицы: утомляет однообразие их реакций на многообразие мира: «Хи-хи-с!»

Строй музыкальный выстраивает строй людской.

Тотальность в политике отвратила нас от любой тотальности (в музыке, религии, духовности) и приучила повсюду оставлять запасные ходы и лазейки.

Ясно вижу, что и *одного* языка – много!

Когда-то за человеком охотился человек, и это было человечно. Нынче за ним охотятся системы, структуры, функции, механизмы... – и это ужасно! и это невыносимо!

Александр Македонский был учеником Аристотеля: кто из варваров смог устоять перед логикой, умноженной на войско?

Миф – корень и узел бытия. Никакое житие – в силу своей историчности – с мифом сравниться не может. Но есть в житии та теплота и мягкость, которые в мифе отсутствуют.

Мысли мои подобны лёгким облачкам в небе: ветер их несёт, несёт... и уносит.

Как трудно умничать и интимничать с глухим человеком!

Люди охотно преувеличивают свои несчастья и очень редко – радости.

Лучшая мысль внезапна: «прострел в мозг».

Время и есть, собственно, жизнь; пространство – лишь её обрамление, сцена, декорация...

Есть книги, которые читать на свежем воздухе просто невозможно.

Жить с людьми (в обществе) – всё равно что ехать в переполненном трамвае: все возбуждены, усталы, недовольны... стоит чуть повернуться, как наступишь кому-нибудь на ногу (или тебе наступят).

Основное занятие европейцев – поиски виновных и их наказание. Только виновные всё время разные: дьявол, природа, цивилизация, Бог, нация, класс, сам человек... Европа – огромный детективный роман.

Порой мысль приходит мне в голову лишь потому, что она «графична».

Странная вещь: разумом готов принять Бога, а вот «нутром» не принимаю. Казалось бы, должно быть *наоборот*.

Европейцы любят не столько обнажённое тело, сколько тело обнажающееся.
(о стриптизе)

Не только в языке бывает плохое произношение,
но и в мышлении.

Остроумие (как и смех) – явление социальное.
Одиноким человек не смеётся (разве что «по старой
привычке»); его обычные спутники: спокойствие, страх,
надежда. Олимпийцы смеялись, Христос плакал.

Зло первично, но добро *божественно!*

Узнай я вдруг и наверняка, что душа моя бессмертна,
много ли бы изменилось в моей жизни?
Пожалуй, ничего.

Что делать людям неталантливым? Как жить?!

История тогда становится органичной и
целеустремлённой, когда народ и правительство
меньше всего о ней заботятся.

Жизнь, в конечном итоге,
есть полное отсутствие всяких итогов.

Слово – память о «засловном»;
цифра (за редким исключением) беспамятна.

Звёздное небо – первообраз незыблемого
миропорядка. По этому образцу и строились царства.
Неудивительно, что Кант увидел в звёздном небе
прообраз своего «морального императива».

Всё чаще и чаще хочется махнуть на всё рукой –
и жить «как попало»!

Подобно увеличительному стеклу, собирает человек
свой дух «в точку» – и, обретая подлинную веру,
воспламеняет мир.

Видение Богородицы есть видение собственной
религиозности.

С горечью думаю порой: для того ли я родился, чтобы
стать математиком (социологом, переводчиком,
писателем)? Неужели для этого? Как-то не верится – и
становится смешно и страшно.

Грек борется с греком (гимнасты);
иудей – с Богом (Иаков).

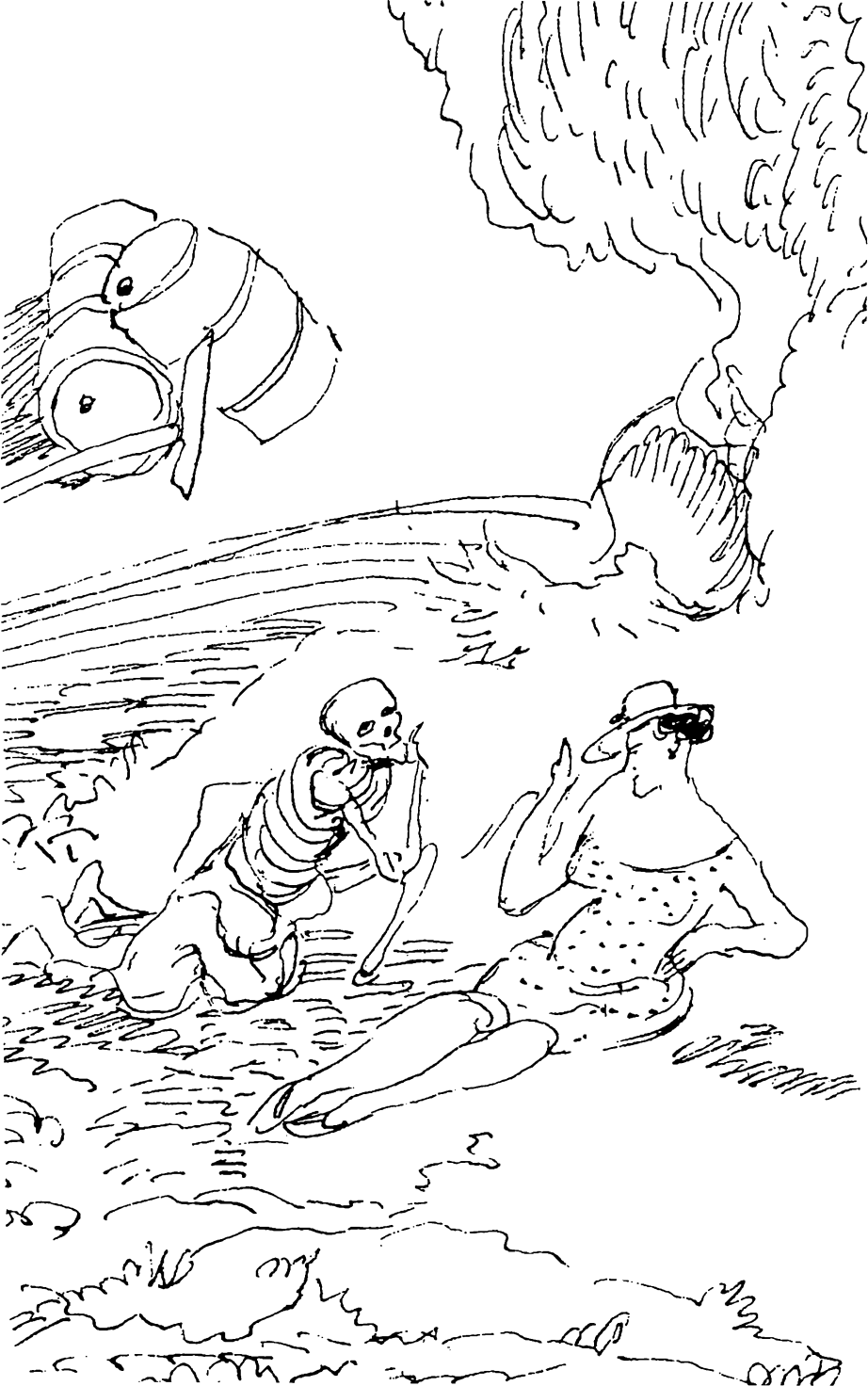
Я – *ничто*, зато я – *сам*.

История тогда делается хорошо, когда о ней меньше
всего думают.

Гениальность, как принято считать, – высший дар, и
вряд ли найдётся человек, способный ею пренебречь.
Отказ от гениальности – путь к святости, к безумию.
Поступки Паскаля и Рембо таинственны,
величественны, невероятны.

Глядя на распятие, оплачем то убиенное дерево, из
которого оно было сделано.

Большое число – стая всепожирающей саранчи.
В стаю саранчи превратилось и наше общество.

Кто может всё осмеять и всё оплакать, тот редко
смеётся и редко плачет.

За одну мысль держусь крепко, две – еле удерживаю,
три – валятся из головы.

Человек в этом мире – гусеница на листе: лист видит,
а дерево – нет.

Каждому пожелаю обрести Бога, но как они горды,
обретшие Бога; как невыносимы в своём непонимании
других; как простодушны в своих благочестивых
советах!

Свободная воля – бесплатное приложение к нашему
абсолютному детерминизму.

Формы диалога: полемика (Европа), поучение (Индия),
беседа (Китай), двойная исповедь (Россия).

Люди глядят на мир глазами своих профессий.

Как-то неловко писать книгу толще 200 страниц.

Нет Бога, так был бы хоть дьявол. Так и дьявола нет!

Государство откармливает учёных, как Полифем
откармливал Одиссея со спутниками. Сумею ли я,
подобно Одиссею, ускользнуть от мерзкого людоеда,
упрятавшись в какую-нибудь шкуру? Или жив до сих
пор лишь потому, что не пришла моя очередь?
Гомеров Полифем хотя бы слеп был, а нынешний –
зряч, да ещё и стоглаз!

Смешно надеяться, что отражению в зеркале удастся нас пережить.

Бог где-то *рядом*: не вижу Его, не слышу, но чувствую (дыханием?) – рядом.

2 x 2 = 4. Не понимаю (хотя раньше понимал): смешно это или идиотично, очевидно или очень глубоко? Скорее всего, 2 x 2 = 4 мне совершенно безразлично.

Мы узнаём о своей свободной воле лишь для того, чтобы оплакать её отсутствие.

У Европы был Христос, было христианство, а христиан почти не было.

Люди – столь бездарные актёры, что и Бог, и дьявол давно покинули «мировой театр», не досмотрев пьесы до конца.

Слова мои так относятся к мыслям, как облако, высеченное в граните, – к облаку в небе.

Человеку не столько Бог нужен, сколько *зритель*. Неловко как-то играть в пустом зале.

Если, не впадая в глупость, ты окажешься чуть глупее собеседника, он лишь поблагодарит тебя за это.

Не сравню свой дух с «парящим орлом», но что-то птичье в нем, несомненно, есть. Подобен он, пожалуй, мелкому и неугомонному воробью, который прыгает

там и сям, порхает, клюёт что-то, чирикает, купается
в грязной лужице...

Темнота – ослепший свет.

Современность порождает авантюристов. Лишь
авантюра даёт в наше время какой-то шанс вырваться
«из всего этого».

В метафоре вещи совокупаются, а сводник – поэт!

Деревья многому способны научить человека.

Дело не в том, что «жизнь – игра», а в том, что нас
принуждают играть в игры, к которым у нас нет ни
малейшего желания.

Ах, если бы всё оказалось вдруг сном, морокой,
наваждением... и если бы проснуться однажды утром, а
вокруг *ничего!*

Грибница ли – часть гриба, или гриб – часть грибницы?
Что внутреннее во мне и что внешнее? Не есть ли душа
моя – внешность, а мир вокруг – моё нутро?

Каждый вырастает в другого, прорастает сквозь него и
из него вырастает.

Море не исчерпать ложкой, но не исчерпать ложкой и
мельчайшей капельки, искрящейся в трещине камня.
Величие великого очевидно, труднее постичь величие
ничтожного.

Греки приучили нас мыслить *словами*.

В познании словом скрыта какая-то
ожесточённость и злоба; в узнавании слова:
восхищение и очарование.

Мне по душе молодые идеалисты,
но всегда хочется заглянуть лет на 10–15 вперёд:
что-то с ними станет?
И сразу становится грустно.

Пишу: мы – оказывается: я. Пишу: я – оказывается:
мы. Читатель же, встречая «мы», думает: я;
встречая «я», думает: он!

С деньгами люди знают, что делать, а со временем –
не знают. И я не знаю. Но всё же: время мне *очень*
нужно, «нужнее денег».

В жизни из дурного проистекает хорошее,
из хорошего – дурное, и никогда не известно наперёд:
когда, и как, и что, и в какой мере?

Не лишайте человека неожиданного!

Анекдот – труднейший литературный жанр.

Наука – современная форма аскезы.

Я – авантюрист, но (по складу характера, видно)
авантюрист пассивный. И на авантюру согласен только
тогда, когда её «устраивать» не надо.

Мысли мои подобны пене, взбитой чайной метёлочкой:
хочу дать им отстояться, придать тяжеловесности,
а они расходятся, растворяются, исчезают...

Во что я верю? В то, что без Бога «ничего не
получится». На самого Бога веры уже не хватает.

Мы любим жизнь в той степени, в какой любим женщину.

Вся моя философия – лишь череда «остроумных»
мыслей.

Нет большей опасности, чем неукоснительно
следовать своему жизненному плану.
И в этом же – высшая благодать.

Индия – настоящий океан, без дна, без края...
«Индийский океан». Побаиваюсь я его бездонности и
бескрайности. Сердцу моему ближе прозрачный ручей,
с камушками на дне, с рыбами и водорослями в
быстром течении...

Останься дома, останься дома, останься дома!

Не знаю, как жить без Бога, и всё же живу.
А может быть, не живу?

Как музыка первична и *предшествует* мифологии, так
и поэзия предшествует прозе и порождает её из себя.

Реакция грека на врага: на сильного – страх,
на равного – схватка, на слабого – смех.
Трагедия, эпос, комедия.

Подлинно верующему Бог не нужен.

Привыкнув видеть в детях «наше будущее», мы забываем, что в них – наше прошлое.

Мысль, переданная точно, удваивает рассказчика в слушателе и, следовательно, совершенно бесполезна. Неточная мысль то и дело провоцирует новые мысли, переживания, понимание. Всё зависит от того, чего нам хочется: подчинить слушателя или побудить его к мышлению?

Сомнение следует в первую очередь обратить против себя.

Без Бога я – *остолбенелый*. Так и живу столбом.
«Жена Лота».

Плохие книги острят мысль, хорошие – сглаживают.

Мещанина (и крестьянина) ругают за то, что «идеей (т. е. книжкой) его не прошибёшь». Но что же здесь плохого: значит, есть своя жизнь, свои представления, свои корни. «Книги не нужны».

Девиз европейца: всё, что *можно* сделать, сделать *необходимо*.

Жизнь моя – строительные леса вокруг дома, которого из-за лесов и не видно. Не знаю, есть ли он вообще или одни только строительные леса?

Нет ничего важнее и нужнее *закона*: это признают и подчиняющиеся ему, и его нарушающие. «Спасибо ему, позволяет нам жить».

«Разнузданный» дух много обещает, но ничего не исполняет.

Собственность в литературе – буржуазное изобретение. Буржуазия придумала «цитатные кавычки», чтобы *своё* отличать от *чужого*.

Благодатно нищенство: нищему не опасны журналы мод.

Всё чужое – моё; всё моё – чужое.

Созерцая формы вокруг, я благодарен им за то, что они есть: сам я не способен ни изобрести их, ни даже, пожалуй, воспроизвести.

Пора начать новую *безымянность*.

Под тонкой кожицей политических и исторических событий неведомо и полно пульсирует «кровь брахманическая». Этот пульс и определяет фазы и циклы человеческого существования.

Проживи незаметно: пусть тебя видят не люди, а звёзды.

Без Бога «всё дозволено». Даже Бог дозволен.

Ничего не зная, вот сколько пишу. Что же будет, когда что-нибудь «узнаю»?

Изучать чужую философию –
портить свою душу.

Здоровье – патологическое отклонение от болезни.

Лень дописать, лень додумать, лень дожить...

Плохая память тем хороша, что не навязывает
человеку старых впечатлений, представлений,
фиксаций...

Бог мой – мрак мой.

Жить без зеркал.

Ультра-западник: даже «свет с Востока» приходит
к нему с Запада!

Чем меньше вокруг меня, тем больше во мне.

Глаза – занавешенные окна в доме души: что видно в
них? – свет лампы, неясные тени, внезапная темнота...
что еще? Дом обитаем, в нём живут, но чем,
кто – не знаю.

Величайшая страсть европейца, глубочайшее его
желание: заполнить собой весь мир и отвергнуть в нём
всё, что не есть он. Мечта о мире, составленном из его
двойников.

Жизнь внезапна.

Национальные языки существуют не только в литературе, но и в музыке, живописи и т. д. Почему же перевод ограничивают только литературой?

Хрупок дух, но и плоть хрупка не менее. Человек умирает, душа умирает, твердыня же одна: *звёздное небо над головой.*

Мои современники сидят в моей глотке, говорят моим голосом... Проклятье! Как от них избавиться?

А не был ли перевозвук – перевозапахом?

Католицизм скорее запугивает человека, чем доподлинно жесток к нему.

Пишу, казалось бы, о многом, а всё – об одном!

Философия – игра во всеобщность, существование и отрицание.

Человек – существо уставшее.

Мир мигает (т. е. живёт), и, мигая в такт ему, я вижу или сплошной свет, или одну темноту. Но в глаза широко раскрытые и неподвижные врывается само дыхание мира, его биение и сумятица.

Говорит ли мне Бог? – не слышу Его. Сам когда говорю, слышит ли Он меня?

Индуизм есть *школа свободы.*

Что может быть прискорбнее, чем «воплощать собой эпоху»? Ничуть не лучше, чем «модно одеваться».

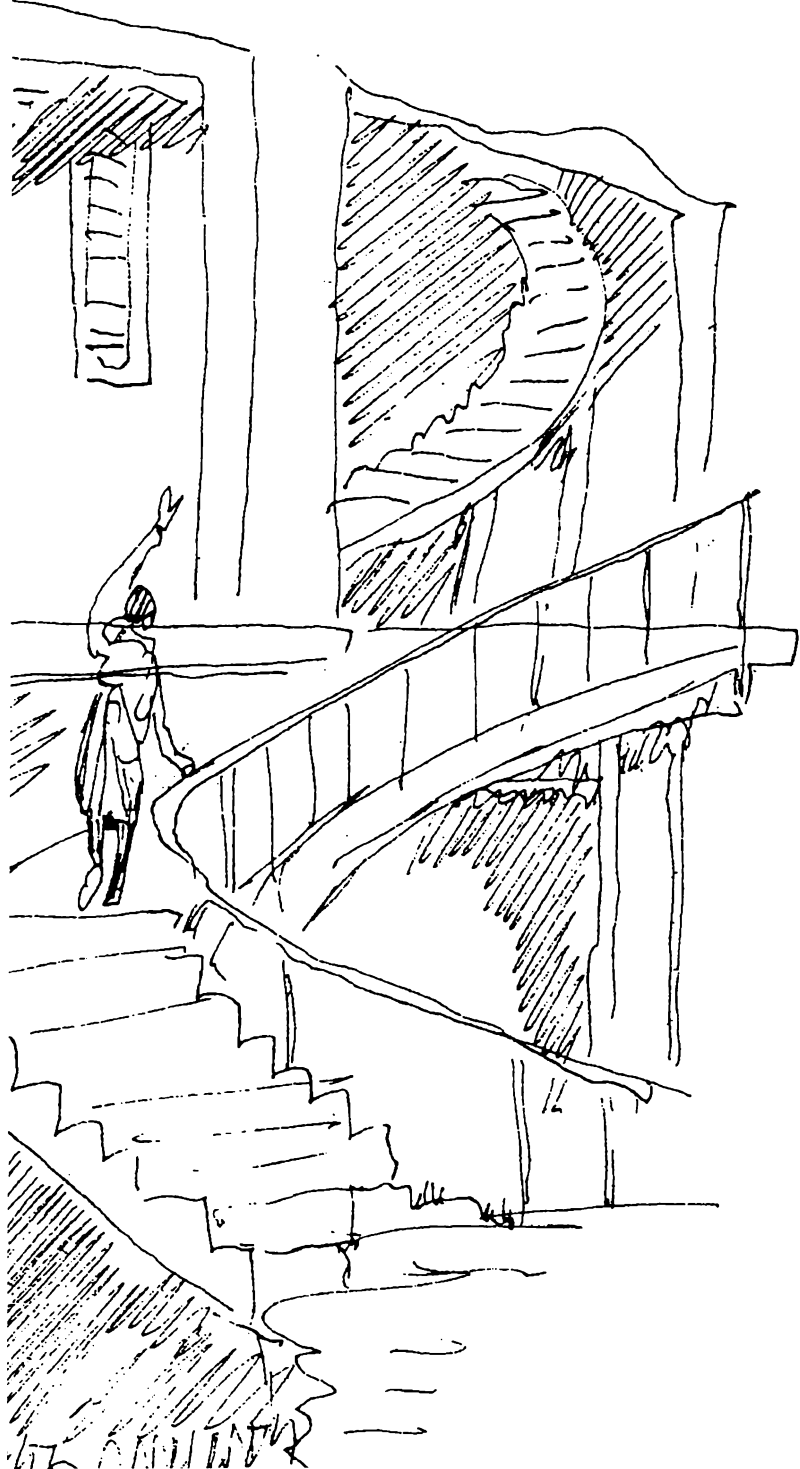
Люблю свободу, но и бочку не встречал ещё без обручей.

И вот где-то кто-то как-то живёт... Как удивительно!
как грустно! как ужасно!

1974

П У Н К Т И Р Ы

отрывки из 9-й тетради

Я рядом, рядом, рядом... и вот уже далеко.
И поразительная тоска по оседлости. Не по оседлости
даже, по *корням*.

Индивидуальность начинается с *карикуры*.
Достаточно вспомнить лицо Сократа или английский
«Панч»!

Готов глаза свои отдать, чтобы видеть Бога.

Царей содержи в роскоши, жрецов – в мудрости,
армию – при оружии, народ – в страхе.
(моё представление о политике)

Садист: *убиваю*, следовательно, существую.
Мазохист: *умираю*, следовательно, существую.

Ценность предшествует смыслу.

Словно лампада на гвоздике, подвешены мы к Богу.
И всё качаемся, качаемся...

Лежу тихонечко на печке: то открою глаза, то закрою,
то потолок передо мной (с трещинами и пауками),
то радужные круги и искры...

Интуиция – карантин с неожиданным исходом.

Диалектика – не столько взгляд на мир, сколько его
отсутствие. Или оправдание такого отсутствия.

Эстетика как часть *экстастики*.

Новой идее подобает быть *острой*. Впрочем, и это не
обязательно.

Что это за Бог такой, который без конца тычет в
человека своим могуществом и свободой, лишив его и
того, и другого!

У ножниц своя метафизика, как своя метафизика у
зеркала, у окна, у колеса...

Заставляют солдат ходить строевым шагом. Почему?
Наказывают непослушных детей. Почему? Судят за
торговлю наркотиками. Почему? Запрещают любить
молоденьких девочек. Почему? В чём пафос и тяжесть
этих и подобных им условностей? Не понимаю.

У немцев в каждом Новалисе припрятан
фон Гарденберг.

Слишком много страданий приносят людям наши
поиски.

Россия опять *провинция*.

Два момента полностью обесценивают принцип
накопления: неизбежность смерти и недостижимость
бесконечности.

В «Калигуле» Камю лишь одного недостаёт: распятия с
лампадой.

Метафизика трамвая.

Всегда есть зритель: Бог.

Секс (как телесное счастье) не может быть
«ограничен». Любой сексуальный опыт в этом случае
хорош и оправдан.

Для того чтобы жить, следует оставить вопрос
о смысле жизни где-то в стороне.

И вдруг под ногами «твёрдая» почва: миф.

Жизнь – бегство от действительности. Что значит:
действительность? Нынешний состав правительства?
Но что в нём действительного?

Буржуазная драма есть драма домовладельцев
и квартиросъёмщиков.

Идеология не объясняет, а устремляет.
В этом её пафос и сила.

Мне стыдно «познавать себя». Но еще стыднее
«познавать других».

Игра не стоит свеч,
цель – усилий, жизнь – страданий.

Кто из мужчин не мечтал о любовной связи лёгкой и
простой: без слов, без имён, без обещаний? Пришёл,
увидел, победил.

Давно пора вернуть философии жизненный облик –
и превратить её в мифологию.

Много уже лет не имею ни малейшего желания
спорить. Ни с кем. Ни о чём.

Удивительно уже то, что я жив, а не мёртв.

Абсурд – отец авантюризма.

Человек вопрошает, мир молчит... человек вопрошает,
мир молчит... человек вопрошает... Почему бы и ему не
замолчать наконец?

Моё поклонение Богу началось с поклонения *пустоте*.
Со временем пустота обрела черты *ребёнка*.

Лучше тирания гениев, чем демократия бездарностей.

Бог есть «не то, не то, не то». Значит, заключает
европеец, Бог бесконечен, всемогущ, всеведущ...
Но ведь и это: то, то, то. А Бог есть *не то, не то, не то*.

Возвысить смысл до вымысла.

Жизнь – фарс на сцене, где в актёров то и дело
постреливают из зрительного зала.

Христианин многое прощает иноверцу, одного
простить не может: его нехристианство.

Бог молчит, помолчим и мы.

Эпикур – ближайший к Индии грек.

Нелепо полагать, что чем больше мы обнажим,
тем больше поймём.
(о поиске первопричин)

Бог и спрашивающему не ответит, а молчащему
скажет. Или наоборот.

Жалок человек, жалок! Жалок он и сам по себе, и при
любых обстоятельствах; но в этой стране, да ещё когда
«величье» своё являет – жалок втройне!

Ищешь красоту – находишь глупость. Ищешь ум –
находишь уродство. Всегда так: находишь совсем не
то, что ищешь.

Играть не играем, но свечи припасли.

Бог создал мир, дьявол – время.

Живой человек раскрыт и внушает беспокойство;
мёртвый – завершён и успокаивает нас. С мёртвыми
спокойнее, они такие «греческие»...

Что касается Петербурга, то Петербург меня не
касается.

Смерть ограничивает нашу гордыню. Хотя бы она.

Моя жизнь так испещрена многочисленными
правками, что от неё совсем ничего не осталось.

Хам никого не боится, хам боится только начальства.

Почему духовность без реализации нынче не в цене?
Непреренно хотят, чтобы человек «книгу писал», и
сквозь его сердечность высматривают пишущую
машинку.

Культура требует жертв. Одна из них – превращение
человека в писателя.

Какое доподлинно горе: не переспать со всеми
женщинами! не переговорить со всеми мужчинами!
не переглядеть всех собак и кошек! Как хочется
уничтожить за это весь мир и остаться *одному*
в пустыне.

Хочу быть *потерянным*.

Аскетизм есть символическое уничтожение мира.

Богиня нужнее человеку, чем бог. Но с богиней он не создал бы ни общества, ни культуры.

Гляжу на тело, вижу скелет. Откуда здесь взяться «радости жизни»?

Проткни себе глаза и сосредоточься.

Я не могу (и не хочу?) мыслить дальше человеческого.

Плохая память спасает меня от прошлого, недоверие к утопиям – от будущего. И вот, «в настоящем», «спасённый» – я абсолютно *не спасён!*

В раю скучно, в аду больно.

Любая идеология, исходящая из возвышения человека, приводит к его унижению.

Нельзя смотреть человека насквозь, «как стеклянный сосуд». Даже если можно – всё равно нельзя!

Проста и скучна канва жизни. Нам ли расшить её пёстрыми узорами?

Будущие бормочу свои горести...

Скоро будем радоваться тому, что дышим.

Расстрел – крайняя форма цензуры.

Усиление власти связано с *расширением*, возрастание любви – со *сжатием*. Власть над одним смехотворна, ей нужны большие числа; любовь выявляет себя во всей глубине и блеске и на одном человеке.

Все мои писания – не в счёт. На самом деле я молчу.
Молчу, молчу, молчу. «Стена молчания».

Не собираюсь оправдывать своё зло благими намерениями. Да, злодей! – и всё же безгрешен.

Поиск обычно начинается с разочарования.
И разочарованием оканчивается.

Что может сирота? Найти отца? Не может.
Вот что: родить сына.

Комфорт превращает человека из дикого зверя в домашнее животное. Не знаю, что лучше.

Тренькаю, среди колючей проволоки, на балалайке.
(о себе)

В каждом – семена зла.

Жизнью своей мы повторяем жизни, о которых ничего не знаем и никогда не узнаем.

И конец мой, и начало скрыты от меня. Но и «середина» видна не более.

Язык стынет, замирает глаз, сохнет ухо... Никогда ни
одна страна не знала ничего подобного.

Лишённые элементарных прав, мы загниваем в
беспочвенности и о царских временах вспоминаем как
об утраченном рае.

Ничто не спасёт меня от смерти: ни геометрия, ни
собрание марок.

Не хочу писательства. Хочу другого: *взлететь над
словом*. Хотя бы одну строчку так написать: взлетев
над словом! Ничего больше не надо.

Стоит ли убивать друг друга, если мы и без того
умрём?

Побывав в Америке, лучше поймёшь Рим.

Патетика физиологической лени.

Зло и добро развёртываются сходным образом, и
постигший одно из них – вполне постигает и другое.
Неудивительно, что Люцифер был ангелом.

Был «падший ангел», но был ли «вознёсшийся чёрт»?
Или движение «от ангелов к чертям» однонаправленно
и необратимо? В людском мире, впрочем, ударение
делается на обратном, *восходящем* потоке
(раскаявшиеся грешники).

В каждом человеке столько человека, сколько в нём
Бога.

Сначала истина порождает Церковь, потом Церковь
утверждает истину.

Следует ли принимать всерьёз вещи,
серьёзно нас не касающиеся.
(о политике)

Нередко люди занимаются миссионерством только для
того, чтобы не остаться в одиночестве.

Главный московский храм назван в честь *юродивого*.
Такова Русь.

Ну чем, скажите, Бог важнее вот этого паука?

Как раньше романтики писали про кладбища, так теперь
в самиздате пишут про лагеря. «Застолбили тему».

Боюсь читать хорошие книги: боюсь, что заворожат,
очаруют, увлекут...

Добро отделено от зла тончайшей преградой,
имя которой: человек.

Во мне терпения нет. Точнее: терпеливости
(терпения для конкретных дел).

Целое, если оно достаточно цельно, вполне выражает
себя любой своей частью.

Женщины – первые скульпторы,
мужчины – первые художники.

Из мыслей, приходящих мне в голову, некоторые мне знакомы, некоторые – нет, одни – близки, другие – далеки, иные – мои, иные – будто и не мои совсем.

Душа моя подобна камням в саду. Ни огня в ней, ни воздуха, ни ветра... Просто камни в саду.

Всё страсть, всё страсть, всё страсть, всё страсть!

Истинный поэт должен быть *неверующим*.

Строить машины или писать стихи. Вот, в сущности, выбор единственный в наше время.

Знания человека о себе равносильны его незнанию.

Лучший способ ускользнуть от настырного европейца: не заявлять о себе. «Нет меня, нет».

Поэты, известное дело, симпатичны в стихах, а не в поступках.

Всегда существуют два устремления: видеть всё единым, видеть всё разным. Порядок и беспорядок – два полюса, между ними – человек.

Моё в человеке есть фикция его сознания.

У мужчины кровать – в начале и в конце жизни, у женщины – ещё и в середине. «Кровать – моё средоточие».

Самое интересное и самое запоминающееся в жизни:
неудачи.

Оставим Америку американцам.

От европейского желания «служить другим» отдаёт
каким-то извращением. Что-то здесь не то!

Свобода, находящая себя в воплощении, опасна: это
конец свободы. Свобода, лишённая воплощения,
сомнительна: это иллюзия свободы.

Испытывая свою свободу, важно не переступить за её
грань.

Любовная связь – и дело, и общение, и наслаждение, и
приключение, и разговор, и помощь... Сколько всего!

Культурная осведомлённость подпирает человеческую
пустоту и ничтожество.

Жизнь моя – чадающий фитиль в прогорклой лампаде.
И вера моя такая же. Так и живу, бросаю неверные
отсветы на тёмные глаза икон.

Сквозь ткань духа просвечивает ткань плоти.

Защищаюсь от времени словами.

Человек страдает, мучается, задыхается... а публика
похихикивает: «Ничего-с... И от него дождёмся
собрания сочинений!»

Цитатные кавычки – пережиток буржуазного авторского права.

Мир, полный душ и тел.
(об Индии)

Что есть безгрешность? Нежелание умирать и нежелание убивать.

Великие американские писатели созданы американской критикой, пожелавшей иметь в Америке великую литературу.

Моя жизнь – сплошная цитата (и комментарии к ней).

Спрашивай себя чаще: *доброе* ли моё добро?

Чтобы понять друг друга, нужен или общий язык, или общее молчание.

Человек слаб, мелок, ничтожен, вообще ничто... но силён его Бог, «твердыня и обитель».

Русскому куда важнее «по правде жить», чем «для сынов работать».

Что такое современная русская духовность? Полсотни прочитанных книг, десятков написанных стихов да пьяные застольные разговоры о Боге и революции.

И только женщины по-прежнему красивы!

Наука начинается с *подглядывания*.

Поживу-поживу, да и умру. И не только я.

Пафос работы, навязанный русскому человеку в XX веке, чужд ему и долго не продержится. В отличие от немца, русский никогда не соотносил работу со своим религиозным спасением.

Для эволюциониста «сегодня» означает: пред-завтра, для традиционалиста: после-вчера.

Пожар в пустыне.

Русская интеллигенция – пасынок «матери-родины» и народа, блудный сын, который без конца «возвращается» и которого никак не принимают.

В темноте лучше слышно.

Словно куры, разбежавшиеся из курятника.
(идеология XX века)

Не смысл порождает ритуал, а ритуал – смысл.

Бессмертие – невозможность бегства. Отсюда: спокойствие и «мало беганья по земле». Утратив веру в бессмертие, человек принялся бегать и суетиться.

Общее мерило устойчивости разных обществ:
количество сумасшедших домов.

Такой страшный мир, что и Христу в нём страшно.

Наша ошибка – в том, что мы всерьёз и тяжеловесно занимаемся смыслом, вместо того чтобы улавливать его *краешком глаза*.

Жаль убить паука, жаль и человека.

Массовый расстрел – один из способов решения массовых проблем.

Женское «уйди, когда захочешь» связывает крепче всех запретов, печатей и обещаний.
«Привяжь свободы».

Первый и главный вопрос об умершем: *куда он делся?*
И недоумение: исчез куда-то, ушёл... И страстное желание: пойду поищу!

Фантазия в сказке (ковёр-самолёт и пр.) – скорее свидетельство о прошлом, чем предвидение будущего.

Буржуазная литература основана на дознании и подглядывании, то есть с самого начала носила детективно-лакейский характер.

Как боязнь наслаждения, так и стремление к нему свидетельствуют о недостаточной освобождённости человека.

Сладострастие помогает душе забыть о «безосновности жизни».

Подглядывание превратило людей из соучастников
в актёров.

Удивителен человек, неверие своё провозглашающий
с пылом и пафосом. Уж не религиозен ли он?

В темноте – и это успокаивает – нет зеркал.

Очень важно: не быть причастным к себе. *Будто и не я.*

Пусть я не верю, зато спокоен. Возможно, одно стоит
другого.

Настолько привыкли беспокоиться о других («спасать»),
что жить без этого не могут. И всё лезут, лезут со
своим беспокойством.

Совсем крохотное желание жить. «Не увлекает».

Нет, кажется, горше горя, чем, отбросив все иллюзии,
увидеть себя ясно и отчётливо человеком заурядным,
скучным, самодовольным, болтливым...

Всё больше понимаю, что – помимо чуда – ничто для
меня не важно. Без чуда я в этом мире только «время
коротаю».

Плеть обухом не перешибешь.

Борис Останин

Пунктиры

Орфография
и пунктуация автора.

В оформлении книги
использованы фрагменты рисунков
Бориса Свешникова
из личной коллекции Б. О.

Дизайн
Д. С. Плаксина, С. Д. Плаксина.

Редактор *М. М. Павлова.*
Корректор *О. Э. Карпеева.*

Компьютерная верстка
Н. Ю. Травкина.

Компьютерная обработка шрифтов
Ю. Г. Огурцова.

Лицензия № ЛР 064183 от 02.08.95 г. Подписано к печати
13.04.2000 г. Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура Helvetica.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,5.
Тираж 2000 экз. Заказ № 418.
Издательство Ивана Лимбаха.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
АООТ «Типография «Правда»»
191119, Санкт-Петербург, ул. Социалистическая, 14

ЧИТА

Голой среди голых.

Бог

читал,

молчит,

молчим и мы.

Лучшая мысль внезапна:
«прострел в мозгу».

Что касается Петербурга,
то он меня не касается.

Лень дописать, лень додумать,
лень дожить...

Борис Останин

И
Т
Д
И
Д
М
Р
!